

О ПРОМЫСЛЕ.

Самое живое, имѣющеес непосредственное вліяніе на весь строй нашей нравственной жизни послѣдствіе убѣжденія въ бытіи личнаго, высочайшаго Существа есть вѣра въ божественный Промыселъ. Какъ бы глубоко ни была вкоренена въ нашемъ сердцѣ, какимъ бы свѣтомъ разумнаго сознанія ни была озарена въ нашемъ умѣ истина бытія Божія, она не вышла бы изъ ряда отвлеченныхъ теоретическихъ истинъ, имѣющихъ важное значеніе для одного только знанія, оставаясь совершенно безплодною для жизни, если бы была лишена своего дальнѣйшаго, естественнаго, логического вывода,—что Богъ, какъ Существо личное, есть не только Міроздатель, но и Міроправитель. Мысль о верховномъ Началѣ міра только тогда можетъ имѣть живое и дѣйствительное вліяніе на нашу жизнь, когда она соединена съ увѣренностью, что Богъ не есть только безучастный зритель всего созданнаго Имъ, но имѣеть постоянное, дѣятельное отношеніе къ Своему творенію, что Онъ все хранитъ и направляетъ къ благу, печется о благѣ не только цѣлаго міра, но и каждого существа, какъ бы оно незначительно ни было. Только

10*

къ такому Существу можно обращаться съ благодарностью, съ молитвою о помощи, съ чувствомъ преданности волѣ Божіей, съ надеждою на торжество добродѣтели и наказаніе порока. Вообще всѣ тѣ отношенія къ Богу, которыя мы называемъ религіозными, вполнѣ основываются на мысли о Промыслѣ. Безъ этой мысли возможно было бы теоретическое ученіе о Божествѣ, но невозможна была бы никакая религія.

Но эта, столь важная для религіозно-нравственной жизни, существенная связь между убѣженіемъ въ истинѣ бытія Божія и признаніемъ Его промыслительного отношенія къ миру, не всегда была признаваема въ области философскаго мышленія. Не говоримъ уже о тѣхъ философскихъ системахъ, где понятіе о живомъ личномъ Божествѣ превращается въ понятіе абсолютнаго начала бытія, изъ котораго съ одинаковою необходимостью вытекаетъ какъ природа, такъ и духъ, и которое только въ царствѣ послѣдняго, въ существахъ сознательно разумныхъ, достигаетъ сознательности, — разумѣемъ системы пантегистической. Здѣсь о Промыслѣ, въ точномъ смыслѣ этого слова, конечно не можетъ быть и рѣчи. Жизнь природы и духа здѣсь является не законосообразнымъ движениемъ конечнаго, сотвореннаго, отдельнаго отъ Божества и зависимаго отъ Него бытія, но развитіемъ Его же самаго по необходимости имманентнымъ Ему законамъ. Надъ всѣмъ властвуетъ не свобода верховнаго Существа, но слѣпая необходимость развитія безличнаго абсолютнаго, въ сущности нисколько не отличная отъ той необходимости природы и неизмѣннаго владычества ея

силь, которымъ объясняютъ жизнь міра отвергающе истину бытія Божія. Но и въ тѣхъ философскихъ системахъ, гдѣ признавалось субстанціальное отличіе Божества отъ міра, понятіе Промыслла испытало на себѣ колебаніе этихъ системъ между двумя противооположными взглядами на отношеніе Бога къ міру, изъ которыхъ одинъ столько же не въ мѣру отдалъ Божество отъ міра, сколько другой не въ мѣру приближалъ Его къ нему. Судя потому, какое изъ понятій объ отношеніи Божества къ міру: трансцендентности или имманентности, получало перевѣсь, измѣнялось и понятіе о Промыслѣ,—или лучше сказать, при одностороннемъ послѣдовательномъ примѣненіи того или другаго понятія къ опредѣленію отношенія между Божествомъ и міромъ, отъ идеи о Промыслѣ не оставалось ничего кромѣ имени. Крайнее развитіе понятія о совершенной отдѣльности Божества отъ міра, Его трансцендентности, было преобладающимъ у французскихъ и англійскихъ действъ прошлаго столѣтія. Они не находили лучшаго способа согласить самостоятельность міра и законовъ природы съ понятіемъ о Творцѣ міра, какъ совершенно разъединить ихъ, расторгнуть между ними всякую живую связь. Недостатки этого воззрѣнія, а еще болѣе прямое или косвенное влияніе идеалистическихъ системъ новѣйшаго времени, Фихте, Шиллинга, Гегеля, были причиною склоненія германскихъ рационалистовъ къ другой противоположной крайности въ вопросѣ о Промыслѣ. Понятію имманентности Бога въ мірѣ было придаваемо иногда столь много значенія, что недоставало по видимому нѣсколькихъ послѣдовательныхъ шаговъ, чтобы

отъ этого понятія перейти къ совершенно пантеистическому представлению о субстанціальномъ тожествѣ Божества и міра. Понятіе Промыслы, при этомъ одностороннемъ сближеніи Божества съ міромъ, превращалось въ представление естественныхъ, необходимыхъ законовъ природы и духа, въ которыхъ видѣли не законы только данные Творцемъ творенію, но самую волю и мысль Божественную, имманентную міру.

Для установленія правильнаго понятія о Промыслѣ, далекаго отъ односторонностей какъ деизма, такъ и явного или прикрытаго пантегизма, нужно имѣть въ виду двѣ основныя истины: 1) что Богъ есть Существо личное и всесовершенное; 2) что міръ есть совокупность существъ, хотя происшедшихъ отъ Бога, но ограниченныхъ и несовершенныхъ. Эти двѣ истины опредѣляютъ надлежащую противоположность между Богомъ и міромъ, которая будучи далека отъ того, чтобы разъединять ихъ, служить напротивъ основаніемъ той связи между ними, которую мы называемъ Промысломъ.

1) *Богъ есть Существо личное, абсолютно совершенное.* Понятіе о Богѣ, какъ Существо личное, предполагаетъ живое, дѣятельное обнаруженіе или проявленіе Его свойствъ; понятіе о Немъ, какъ Существо всесовершенное, предполагаетъ, что это проявленіе будетъ постояннымъ и неизмѣннымъ. Существо личное не можетъ быть недѣятельнымъ; Существо всесовершенное не можетъ прекращать своей дѣятельности; ибо совершенство не можетъ имѣть предѣла, не можетъ истощиться. Отсюда видно, что, на основаніи самаго понятія о Богѣ, мы не мо-

жемъ представить, чтобы высочайшія Его совершенства: всемогущество, премудрость, благость и другія, дѣятельно проявились только въ одинъ какой-либо моментъ, напримѣръ въ актѣ созданія міра, а потомъ навсегда прекратили свое обнаружение. Мы не можемъ допустить, чтобы Богъ, обнаруживъ и явивъ свои творческія совершенства въ сотвореніи міра, потомъ предоставилъ этотъ міръ самому себѣ, уединился такъ сказать, или скрылся отъ міра. Подобное представление могло бы быть мыслимо только въ такомъ случаѣ, если бы мы предположили, что въ мірѣ, въ своемъ созданіи, Богъ всецѣло и безъ остатка выразилъ всю полноту своихъ совершенствъ, истощилъ ихъ, такъ сказать, въ процессѣ мірообразованія, такъ что для дальнѣйшей Его какой-либо дѣятельности не представлялось ни мѣста, ни возможности. Но это могло быть только тогда, если бы міръ былъ вполнѣ подобенъ своему Творцу, вполнѣ осуществилъ собою всѣ Его безконечныя совершенства, былъ бы вѣрнымъ образомъ и подобiemъ самого Божества, противъ чего ясно говорятъ не только несовершенства міра, но и самая его ограниченность. Да и въ отношеніи къ Существу абсолютно совершенному, странно было бы предложить возможность истощенія Имъ своихъ совершенствъ, и своей дѣятельности въ одномъ какомъ-либо актѣ или въ одномъ какомъ-либо произведеніи, какъ бы совершенно ни было это произведеніе. Итакъ мы должны необходимо признать, что Богъ не однажды только явился дѣятельнымъ въ созданіи міра, но продолжаетъ быть дѣятельнымъ и въ отношеніи къ созданному Имъ міру, что Его всемогущество,

премудрость, благость объемлютъ собою все Его твореніе, сохраняя его и направляя къ достижению тѣхъ цѣлей, какія предположены Имъ при созданіи.

Памъ могутъ сказать: однако же и до акта созданія міра Богъ вполнѣ обладалъ всѣми своими совершенствами, следовательно не оставался недѣятельнымъ, но проявлялъ свои совершенства какимъ либо сокровеннымъ и для насъ непостижимымъ способомъ. Почему же мы не можемъ допустить, что и не простирая своего промыслительного дѣйствія на міръ, Онъ тѣмъ не менѣе не теряетъ и не умаляетъ своихъ совершенствъ, но остается абсолютно дѣятельнымъ. Создавъ міръ, какъ самостоятельное цѣлое, Богъ въ виду самой этой самостоятельности можетъ предоставить его самому себѣ вполнѣ, его собственнымъ законамъ развитія; но такое предоставленіе его самому себѣ никакъ не ведетъ къ предположению о прекращеніи или истощеніи Божественной дѣятельности. Эта дѣятельность не будетъ только простираясь во внѣ, относиться къ міру, но получить тотъ же характеръ внутренне-сокровенной дѣятельности и жизни, какой она имѣла до начала міра.

На это должно замѣтить, что хотя дѣятельность Божества дѣйствительно не ограничивается однимъ приложениемъ ея къ созданію или краненію и управлению созданнымъ, но тѣмъ не менѣе какъ скоро она разъ проявилась не только въ сокровенной глубинѣ собственного существа, но и въ его, въ созданіи конечнаго, она въ слѣдствіе своего совершенства уже не можетъ отрѣшиться и отдалиться отъ этого конечнаго, пока оно существуетъ. Думать иначе значить или отрицать абсолютность Божества и пол-

ноту Его совершенствъ, или допускать въ Немъ какое-то самоограниченіе своей дѣятельности, по отношенію къ сотворенному Имъ Богу, какъ Существо абсолютное, долженъ быть мыслимъ объемлющимъ своею силою и простирающимъ свою дѣятельность на все существующее безъ ограниченія. Ничто не можетъ существовать виѣль абсолютного, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ не мѣстную только отдѣльность, но независимость и отрѣшенность чего-либо отъ Божества, по своему бытію. Пока міръ не существовалъ, дѣятельность Божества могла быть только внутреннею и сокровенною; но какъ скоро Богу было угодно проявить свои свойства во виѣль, въ сотвореніи вещей конечныхъ, то уже невозможно положить предѣлъ такому проявленію этихъ свойствъ, ограничить это проявленіе однимъ какимъ-либо актомъ или моментомъ. Въ силу неограниченности Божества и абсолютности Его совершенствъ, дѣятельность Его должна простираться на все безъ исключенія и продолжаться постоянно, слѣдовательно обнимать собою не только начало міра, но и его продолженіе, пока онъ существуетъ. Указывать при этомъ на возможность свободнаго самоограниченія Божества въ своей дѣятельности, на удержаніе Имъ, такъ сказать, своихъ совершенствъ отъ проявленія ихъ въ мірѣ, значило бы допускать странное предположеніе, что міръ безъ влиянія на него Божества, не хранимый и не управляемый Имъ, но предоставленный самому себѣ, будетъ гораздо лучше и совершеннѣе, чѣмъ при дѣятельномъ участіи всесовершенного Существа въ его судьбахъ,—предположеніе, несостоятельность котораго очевидна сама собою.

2) Если теперь отъ понятія о Богѣ перейдемъ къ понятію о мірѣ, то въ самыхъ существенныхъ его свойствахъ мы увидимъ невозможность абсолютной самостоятельности сго существованія и необходимость участія божественной воли въ его сохраненіи и управлениі. *Міръ есть совокупность существъ ограниченныхъ и несовершенныхъ.* Что такое ограниченность міра? Прежде всего она состоитъ въ томъ, что міръ не самобытенъ по своему происхожденію, что имѣеть верховную, независимую отъ него причину своего существованія, которой онъ есть произведение или дѣйствие. Но дѣйствие не можетъ существовать отдельно и независимо отъ причины его производящей. Оно существуетъ, пока продолжается бытіе причины, которая постоянно его условливаєтъ. Пламя не можетъ существовать отдельно отъ горючихъ материаловъ, которые его производятъ; растеніе—безъ почвы, воздуха, свѣта, условливающихъ его жизнь. Каждая частная вещь, каждое явленіе на землѣ, существуетъ дотолѣ, доколѣ существуютъ материальнаяя условія и физическая сила, его произведшія. Тотъ же законъ, который имѣеть приложеніе къ каждой отдельной вещи, долженъ быть приложенъ и къ цѣлому міру. И міръ, какъ дѣйствие, какъ явленіе, не можетъ продолжать своего существованія независимо и отрѣшенно отъ своей верховной причины; внѣ связи съ этою причиной онъ обратится въ тоже ничтожество, изъ которого былъ вызванъ волею творческою. Какъ начало его не мыслимо безъ верховной причины, такъ и продолженіе его бытія не мыслимо внѣ связи съ этою причиной.

Другая черта ограниченности міра есть та особенность его предметовъ и явлений, которую обыкновенно, хотя и не совсѣмъ точно, называютъ его *случайностью*, не въ томъ конечно смыслѣ, чтобы эти предметы и явленія происходили отъ случая или не имѣли бы разумнаго основанія и цѣли своего бытія, но въ томъ, что ни одно изъ нихъ не имѣть бытія необходимаго, что каждый индивидуальный предметъ могъ быть и не быть, существовать и несуществовать. Абсолютной необходимости существованія, такой, чтобы при его отсутствіи сдѣлалось невозможнымъ существованіе цѣлаго міра, ни одинъ частный предметъ не имѣть. Но та черта, которая составляетъ принадлежность каждого частнаго предмета и явленія, принадлежить и цѣлой совокупности ихъ,—цѣлому міру. И цѣлый міръ не есть какое-либо необходимое проявленіе божеской природы, безъ которой Богъ, такъ сказать, не могъ бы быть Богомъ. И цѣлый міръ могъ одинаково существовать и не существовать; если онъ получиль бытіе, то этому обязанъ исключительно воль Творческой. Но если таковъ характеръ міра, если по существу своему онъ не имѣть бытія необходимаго, но можетъ равно быть и не быть, то очевидно, что продолженіе его бытія, точно также какъ и начало, мыслимо только при продолженіи тогоже акта творческой воли, которая и въ началѣ опредѣлила бытіе міра. Прекратись это дѣйствіе божественной воли, и міръ, не имѣя внутренней необходимости своего бытія, обратится въ ничтожество. И такъ, если міръ продолжаетъ существовать, то коренную и основную причину своего продолженія, точно также

какъ и своего начала, онъ долженъ имѣть не въ самомъ себѣ, но въ себѣ, въ поддерживающей и сохраняющей его бытіе волѣ Творца.

Съ ограниченностию міра необходимо соединяется его несовершенство. Первымъ признакомъ этого несовершенства служитъ его измѣняемость, условливаемая ограничениемъ его формами пространства и времени. Міръ не есть, въ одинъ моментъ творенія вполнѣ законченное, и за тѣмъ неподвижнымъ и неизмѣннымъ остающееся, цѣлое. Міръ постепенно и послѣдовательно получалъ тотъ видъ, какой имѣть теперь, и исторія его не закончена также настоящимъ моментомъ. Изъ этого видно, что онъ какъ въ прошедшемъ не былъ, такъ и въ настоящемъ не есть какое-либо вполнѣ законченное, совершенное и потому неизмѣняемое къ лучшему, бытіе. Кромѣ этого, естественного такъ сказать несовершенства міра, зависящаго отъ его ограниченности, беспристрастное наблюденіе можетъ найти въ немъ множество и другихъ недостатковъ, независящихъ прямо отъ его ограниченности, но представляющихъ искаженіе и нарушеніе его законосообразности, въ области какъ физического такъ и духовнаго бытія. Сюда относятся всѣ виды нравственнаго зла и производимыя вліяніемъ злой воли существъ свободныхъ разстройства въ мірѣ чувственномъ. Но если міръ несовершенъ, а Виновникъ его есть Существо абсолютно благое и совершенное, то какаго рода отношеніе между ними должно быть мыслимо разумомъ? Не необходимо ли предположить, что Существо всесовершенное будетъ постоянно и дѣятельно стремиться къ усовершенствованію того, что несовершенно, къ исправленію

того, что уклонилось отъ нормы, къ постоянному возведению ограниченного и несовершенного къ большему и большему совершенству. Не необходимо ли допустить то дѣйствие божественной воли по отношенію къ міру, которое мы называемъ Промысломъ? Думать иначе значило бы совершенно искажать понятіе о Богѣ, — значило бы представлять Его или безсильнымъ, или неразумнымъ, или неблагимъ, если бы Онъ или не могъ, или не умѣлъ, или не хотѣлъ вести міръ къ тому совершенству, котораго міръ не имѣть еще, но можетъ имѣть.

Даже, если бы мы вопреки очевидности захотѣли отрицать несовершенство міра, и, увлекшись крайнимъ оптимизмомъ, не находили въ немъ никакихъ недостатковъ, то и въ этомъ случаѣ не могли бы не признать того, что міръ есть хотя совершенное цѣлое, но однакожъ не абсолютно совершенное, не такое, которое не могло бы быть еще совершенѣе, потому что иначе мы уравняли бы міръ съ Богомъ. Если же такъ, то не должны ли мы предположить, что Богъ и совершенному цѣлому по своей безконечной благости желаетъ даровать еще большее совершенство? А возможности такого большаго и большаго усовершенствованія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ міру духовному, никто конечно отвергать не станетъ.

Но намъ скажутъ: положимъ міръ несовершенъ, и, какъ такой, по волѣ Творца долженъ постепенно достигать большаго и большаго совершенства. Но для чего же предполагать, что это движение міра къ цѣли своего бытія, къ совершенству, происходитъ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ руковод-

ствомъ и управлениемъ Творца міра? Развѣ Творецъ при самомъ созданіи міра не могъ вложить въ его существа стремленія и силы, послѣдовательнымъ развитиемъ которыхъ они самодѣятельно и постепенно могли бы достигать предназначенной имъ цѣли? Такъ напримѣръ, съмѧ само собою развивается въ растеніе, человѣкъ свободнымъ раскрытиемъ своихъ силъ и способностей самъ собою достигаетъ совершенства. Такъ же самостоятельно, по свойственнымъ себѣ законамъ, можетъ развиваться и усовершаться и цѣлый міръ, безъ всякаго участія въ томъ его Виновника.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ: дѣйствительно ли вполнѣ самостоятельно и безъ всякаго участія божественной промыслительной воли, развиваются и достигаютъ своей цѣли частныя существа міра, напр. органическіе индивидуумы, человѣкъ. Допустимъ, что это такъ. Но можно ли отъ самостоятельного достиженія частными существами своихъ частныхъ цѣлей заключать о возможности того же самого и для цѣлаго міра? Нѣтъ, самостоятельное развитіе отдѣльныхъ одна отъ другой частей еще не ручается за стройное развитіе цѣлага, составленного изъ этихъ частей. Изъ отдѣльныхъ деревьевъ, какъ бы они хороши ни были, не выдетъ сада, если рука садовника не разсадить ихъ такъ, какъ требуютъ того вкусъ и искусство. Изъ отдѣльныхъ красокъ не составится сама собою картина. Тысячи прекрасныхъ музыкантовъ, незнающихъ ничего другъ о другѣ, могутъ отлично выполнять каждый свою піесу, но не дадутъ стройнаго концерта, если не согласить ихъ общая для всѣхъ піеса и одинъ ком-

позиторъ. Такъ и въ мірѣ; общій строй міра и гармоническое развитіе его въ цѣломъ и частяхъ предполагаютъ не только достиженіе каждымъ частнымъ существомъ своей индивидуальной цѣли, но и соотвѣтствіе этой цѣли съ общимъ ходомъ и законосообразнымъ движеніемъ вселенной, следовательно предполагаютъ необходимымъ, чтобы каждое частное существо не только самостотельно развивалось въ своей сферѣ индивидуального бытія, но и содѣйствовало бы раскрытию общей идеи и плана міра, чтобы стремилось къ достиженію не только своей цѣли, но и общей цѣли всего существующаго. Но это возможно только при двухъ условіяхъ: или каждое отдельное существо будетъ знать не только о своей цѣли въ общемъ планѣ міра, но и объ общей цѣли всего міра, и въ силу этого знанія будетъ стремиться къ ея осуществленію, что при безсознательности однихъ существъ міра, и ограниченности знанія другихъ, конечно не мыслимо. Или надъ всѣми отдельными существами, развивающимися каждое въ своемъ кругу и для своей цѣли, будетъ царить какой-либо общій разумъ, общая верховная сила, которая безчисленное множество разрозненныхъ индивидуальныхъ существъ и явлений будетъ стройно согласовать и направлять къ общей цѣли. Но где мы найдемъ этотъ всеобщей разумъ природы, эту верховную мысль, все направляющую по законамъ гармоніи и порядка? Или мы должны самый міръ признать сознательно разумнымъ существомъ, за виѣшнею оболочкою безчисленно разнообразныхъ предметовъ и явлений предполагать одну душу міра, какъ дѣлали нѣкоторые древніе философы; или если

оставимъ это представлениѣ незрѣаго возраста философіи, должны допустить, что этотъ разумъ и эта мысль, направляющія всѣ частныя явленія міра къ одной цѣли, есть мысль и разумъ божественный, есть правящій міромъ Промыслъ.

Итакъ, понятіе о мірѣ, точно также какъ понятіе о Богѣ, ведетъ насъ къ признанію истины божественного Промысла, который вообще мы можемъ опредѣлить, какъ постоянное дѣйствіе Творца на сотворенный Имъ міръ. Указанныя же нами свойства міра, его ограниченность (несамостоятельность) и несовершенство, опредѣляютъ частнѣ свойства этого творческаго дѣйствованія. Ограниченность міра предполагаетъ *сохраненіе* его существованія; несовершенство — направлениѣ его къ совершенству, божественное управлениѣ. Итакъ, Промыслъ есть дѣйствіе Божества, которымъ Оно сохраняетъ созданный Имъ міръ и направляетъ его къ благу, такъ какъ только благо можетъ быть достойною всесовершенного Существа цѣлію, которую Оно предположило при созданіи міра (а).

(а) Въ прежнихъ метафизическихъ и богословскихъ системахъ отличали еще третій видъ Промысла *содѣйствіе* (*concursus* вмѣстѣ съ *conservatio et gubernatio*). Но понятіе содѣйствія едва ли можетъ выражать собою какой-либо актъ божественного промыслительного дѣйствованія, существенно отличный отъ двухъ первыхъ. По отношенію къ предметамъ міра физического, *содѣйствіе* есть ничто иное, какъ воля Божія, чтобы предметы эти продолжали существовать и дѣйствовать по даннымъ имъ отъ Бога законамъ,—следовательно оно не различается отъ *сохраненія*. По отношенію къ существамъ міра духовнаго, *содѣйствіе*, если понимать его съ одними какъ *сохраненіе* свободы дѣйствій человѣческихъ, есть только видъ *сохраненія*, если же разумѣть подъ именемъ его *содѣйствіе* свободной волѣ существъ разумныхъ въ осуществлениіи путь добрыхъ цѣлей и намѣреній,

Убѣжденіе въ бытіи Промысла, какъ мы сказали, есть естественный и необходимый выводъ изъ правильныхъ понятій о Богѣ и мірѣ. Но эта истина, выведенная путемъ априорическимъ, для полнаго и окончательного своего уясненія имѣть нужду въ подтвержденіи ея дѣйствительными указаніями слѣдовъ Божественного сохраненія и управлениія въ видимомъ нами мірѣ. Фактическія указанія должны служить не только для болѣе нагляднаго представлениія отвлеченной истины, но и для повѣрки и оправданія ея чрезъ сличеніе съ дѣйствительностію. Безъ этой повѣрки нась не оставитъ совершенно сомнѣніе, дѣйствительно ли рациональный процессъ выведенія истины Промысла изъ общихъ понятій о Богѣ и мірѣ безукоризненно вѣренъ въ логическомъ отношеніи. Потому что не можетъ быть, чтобы былъ истиннымъ такой выводъ, который, не смотря на видную, формально - логическую правильность, встрѣтилъ бы прямое противорѣчіе въ фактахъ міра дѣйствительного.

Что касается до того вида Промысла, который мы назвали сохраненіемъ, то въ отношеніи къ нему

то это будетъ одинъ изъ частныхъ видовъ управлениія. Кажется, на удержаніе въ некоторыхъ философскихъ системахъ понятія содѣйствія имѣла влияніе система оккзіонализма, господствовавшія въ школѣ Декарта, и Мальбранша. Такъ какъ здѣсь допускалась совершеннайа противоположность двухъ субстанцій — духа и матеріи, и отрицалась возможность дѣйствовать одной изъ нихъ на другую, то взаимная связь ихъ объяснялась постояннымъ дѣйствіемъ Божества, которое своею силою производитъ въ мірѣ чувственномъ перемѣны, соответствующія движению воли въ существахъ духовныхъ, и наоборотъ, въ послѣднихъ производить перемѣны соответственно дѣйствію на нихъ предметовъ чувственныхъ. Этотъ особенный актъ Божеской воли и есть собственно содѣйствіе, отличное отъ сохраненія и управлениія.

исполнение этого требование не представляетъ затрудненій. Свидѣтельствомъ истины сохраненія міра Богомъ служить самыи фактъ существованія міра, его законовъ, силь и предметовъ, каждого въ опредѣленной ему сферѣ и мѣрѣ бытія. Не могутъ конечно служить значительнымъ возраженіемъ противъ мысли о сохраненіи міра примѣры изчезновенія цѣлыхъ породъ растеній и животныхъ, и разрушенія на небесномъ сводѣ планетъ и свѣтиль. Эти явленія также мало могутъ противорѣчить истинѣ Божественнаго храненія міра, какъ и постоянное исчезновеніе или смерть отдельныхъ индивидуумовъ органическаго царства. Та временность бытія, которая составляетъ законъ существованія индивидуумовъ, имѣеть приложеніе и къ цѣлымъ родамъ ихъ; различіе только во времени продолженія бытія. Сохраненіе міра не такъ должно понимать, чтобы все, разъ созданное и получившее бытіе, продолжало хранить его вѣчно и постоянно, но такъ, что известное существо или рядъ существъ продолжаетъ свое бытіе дотолѣ, доколѣ требуетъ того общій законосообразный строй міра, и доколѣ онъ необходимъ какъ средство или моментъ въ достижениіи общей цѣли міра.

Гораздо болѣе затрудненій и возраженій встрѣчаютъ попытки разума оправдать дѣйствительныи явленія и тотъ видъ Промысла, который мы назвали управлениемъ. Нельзя не сознаться, что здѣсь задача — указать признаки Божественнаго міроуправления въ явленіяхъ міра физическаго и духовнаго — не можетъ быть выполнена съ тою подробностию, ясностью и отчетливостію, какой въ правѣ ожидать разумъ. И причина тому заключается не въ какихъ либо дѣй-

ствительно неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, представляемыхъ ходомъ міровыхъ явлений и событий, мысли о Промыслѣ, по въ самой сущности задачи и въ свойствахъ человѣческаго разума. Божественное міроуправление предполагаетъ, что каждый предметъ, каждое явленіе міра, опредѣленное къ бытію Богомъ, имѣть разумную цѣль и значеніе въ законосообразномъ планѣ міра и содѣйствуетъ достижению той благой цѣли, для которой онъ созданъ. Но оправдать истину этого общаго предположенія въ примѣненіи къ каждому предмету и явленію, показать, какое значеніе тотъ или другой предметъ имѣть въ общемъ планѣ міrozданія, и какъ именно содѣйствуетъ достижению общей цѣли бытія,—превышаетъ силы и границы человѣческаго знанія. Для этого съ полнымъ познаніемъ всего міра въ его цѣломъ и частяхъ, въ его прошедшемъ и настоящемъ, въ безконечномъ разнообразіи взаимныхъ отношеній между его предметами и явленіями, должно соединяться не менѣе полное знаніе цѣли міра, которая теряется въ недоступномъ нашему взору будущемъ. Но что значать всѣ успѣхи наши въ дѣлѣ познанія природы, въ сравненіи съ ея необъятностію и многосложностію? А что касается до цѣли міра, то въ настоящее время съ достовѣрностію можно сказать о ней только одно, что эта цѣль должна быть мудрая и благая, потому что Творецъ міра есть Существо всесовершенное; но значеніе о качествѣ цѣли еще ничего не говорить о ея сущности.

Отсюда вполнѣ естественно и понятно, что разумъ бралъ бы себѣ задачу далеко не по силамъ, если бы мечталъ уяснить себѣ и уразумѣть вполнѣ планъ и

подробности божественного міроправленія. Онъ долженъ ограничиться болѣе скромною задачею,—найти пѣкоторые только слѣды Промысла въ тѣхъ явленіяхъ міра, гдѣ они выражаются съ болѣшею ясностю. Этихъ слѣдовъ, если они будутъ открыты, достаточно для оживленія его увѣренности въ истинѣ Провидѣнія, какъ скоро она утверждается на несомнѣнныхъ требованіяхъ разума, потому что они покажутъ, что не одинъ слѣпой случай или механическая необходимость природы правятъ міромъ, но и разумная мысль и воля. Такъ по отдѣльнымъ отрывкамъ прекрасной поэмы, неизвѣстной намъ въ цѣломъ составѣ, мы судимъ о геніальности ея творца. Такъ по одной изящно отдѣланной комнатѣ громаднаго зданія, въ которой мы заключены, можемъ судить объ искусствѣ и умѣ того, кто устроилъ это зданіе.

Что міръ физический во многихъ своихъ явленіяхъ представляетъ знаменательные признаки разумности и цѣлесообразности, этого не можетъ отвергнуть безиристратный наблюдатель. Положимъ, не всѣ попытки ясно представить эту разумность въ частныхъ случаяхъ были своевременны и удачны, и эти неудачи, кромѣ философскихъ предубѣждений, были поводомъ къ неблагопріятному взгляду новѣйшаго времени на телеологическія объясненія природы. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать многихъ поразительныхъ фактовъ цѣлесообразности, напримѣръ, въ строеніи и жизни существъ органическихъ и въ исторіи постепеннаго развитія природы, при чемъ неудачныя попытки объясненія могутъ служить только доказательствомъ неудовлетворительности данныхыхъ, конкретныхъ объясненій того или другаго

случая, но не опровергніемъ самой мысли о разумности въ устройствѣ природы. Такъ напримѣръ мы не можемъ, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о природѣ, объяснить, почему необходима въ общей жизни ея та или другая порода растеній или животныхъ въ частности, но не можемъ не видѣть, что весь процессъ образованія органическаго царства направленъ къ постепенному усовершенствованію организмовъ, что все предыдущее образованіе міра служило необходимымъ приготовленіемъ и условіемъ для того, чтобы дать возможность существованію на землѣ высшему изъ ея существъ—человѣку. Не можемъ не видѣть, что для достижения имъ цѣлей своего бытія цѣлесообразно примѣненъ весь порядокъ настоящаго состоянія нашей планеты, что въ немъ онъ находится и материальная условія, и возбужденія, и пособія для своего развитія. Но такая разумность и цѣлесообразность въ устройствѣ и развитіи природы, очевидно, не могла входить въ планы и намѣренія безсознательной и неразумной природы и ея отдельныхъ существъ. Безсознательное, не имѣющіе воли и разума, само по себѣ не можетъ стремиться къ какой нибудь разумной цѣли, имѣть въ виду будущее и содѣйствовать его осуществленію. Если сочетаніемъ безчисленнаго множества безсознательныхъ предметовъ и явлений достигается одна разумная цѣль, осуществляется стройный порядокъ, то это очевидный знакъ, что надъ всѣми ими царитъ единая мысль и воля Существа разумнаго, правитъ міромъ рука Промысла.

Что касается до міра сознательно-разумнаго, то и здесь къ такому же заключенію приводить насть

разумность въ историческомъ развитіи человѣчества. И здесь, не смотря на кажущуюся случайность и зависимость отдельныхъ явлений то отъ необходимости вліяній природы, то отъ игры личного произвола частныхъ дѣятелей, не смотря на кажущуюся необъяснимость, даже безсмысличество многихъ изъ этихъ явлений предъ судомъ разума, беспристрастный изслѣдователь долженъ признать общий разумный ходъ міровыхъ событий, общее движение къ усовершенствованію, — словоиъ долженъ признать разумность истории. Но достигается ли и можетъ ли быть достигнута эта разумность однимъ только самостоятельнымъ дѣйствованіемъ безчисленнаго множества отдельныхъ лицъ, составляющихъ родъ человѣческій? Не предполагаетъ ли она также высшей, міронравящей мысли и воли? Конечно, человѣкъ не есть тоже, что безсознательный предметъ природы; онъ одаренъ разумомъ и волю, можетъ полагать себѣ цѣли и осуществлять ихъ. Но предѣлы дѣйствія этого сознанія и воли болѣею частию ограничиваются сферою личной дѣятельности. Каждый человѣкъ въ отдельности, не исключая и великихъ историческихъ дѣятелей, дѣйствуетъ по большей части по своимъ частнымъ, личнымъ, по крайней мѣрѣ времененнымъ побужденіямъ и цѣлямъ. Ни одинъ дѣятель, самый геніальный, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду общихъ цѣлей человѣчества и сознательно служить ихъ осуществленію. Но если бы онъ даже и имѣлъ ихъ въ виду, если бы его понятія объ этихъ цѣляхъ были дѣйствительно всегда ясны и вѣрны, то и въ такомъ случаѣ при безчисленномъ множествѣ противодѣйствующихъ интересовъ и по-

бужденій другихъ лицъ, онъ не въ силахъ быть бы ни найти лучшихъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для осуществленія своихъ намѣреній, ни привести ихъ въ исполненіе одною собственою волею. Но на самомъ дѣлѣ, подобные дѣятели съ ясно сознанными для блага человѣчества идеалами, и съ полной энергією осуществить ихъ, очень рѣдки. Въ дѣйствительности мы видимъ постоянную игру самыхъ мелкихъ, самыхъ эгоистическихъ, изрѣдка благопамѣренныхъ, но за то одностороннихъ побужденій. Каждый преслѣдуетъ свои личныя вѣли, и величайшіе умы не свободны отъ вліянія этихъ личныхъ побужденій. Изъ постояннаго столкновенія безчисленнаго множества этихъ разрозненныхъ, враждебныхъ другъ другу личныхъ интересовъ, по видимому, въ общемъ итогѣ исторической жизни рода человѣческаго не могло бы ничего выходить, кромеъ событий случайныхъ, явлений неразумныхъ и безсвязныхъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ; не смотря на разрозненность побужденій частныхъ дѣятелей, въ общемъ ходѣ исторической жизни оказывается разумность, правильность, порядокъ; въ общемъ итогѣ—постепенное усовершенствованіе человѣчества. Результаты известныхъ событий въ общемъ часто выходятъ не тѣ, какихъ бы можно ожидать; то, что казалось на первый разъ зломъ или бѣдствіемъ, въ послѣдствіи оказывается явлениемъ необходимымъ и имѣющимъ разумный смыслъ; то, что представлялось безразличнымъ, не важнымъ, оказывается имѣющимъ огромное значеніе. Отсюда видно, что общий ходъ исторіи, такъ какъ онъ не имѣлся никѣмъ въ виду изъ частныхъ ея дѣятелей, направляется высшою невидимою Силою къ неиз-

вѣстной памъ, по разумной, цѣли. Разумность исто-
ріи вообще, при случайности и разрозненности дѣй-
ствій отдельныхъ лицъ, служить такимъ образомъ
доказательствомъ Божественного міроуправлія, по-
добно тому, какъ разумность въ жизни и строеніи
природы, при ся безсознательности.

Если ограниченность нашихъ познаній о разумной
связи и цѣлесообразности историческихъ событий
препятствуетъ намъ иногда видѣть ясно міроуправля-
щую руку Промысла въ каждомъ даже незначитель-
номъ изъ этихъ событий, то понятно, что также
ограниченность является еще въ сильнѣйшей степени,
когда мы хотѣли бы уяснить себѣ способъ и образъ
промыслительного дѣйствія Божества въ отношеніи
къ жизни отдельныхъ лицъ. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ
при попыткахъ уяснить себѣ общий ходъ исторіи,
мы должны склониться предъ мыслю о неостиги-
мости путей Промысла, устроющаго недовѣдомыми
чутями все наиболѣшее для каждого человѣка. Но
тѣмъ не менѣе было бы крайнею непослѣдователь-
ностью, на основаніи этой неясности для нась дѣй-
ствій Промысла съ одной стороны, и кажущейся
случайности вышнихъ обстоятельствъ жизни съ
другой, ограничивать сферу Божественного міроуправ-
лія и по примѣру нѣкоторыхъ допускать Промыселъ
только по отношенію къ общимъ и міровымъ
событиямъ и отвергать его дѣйствительность по от-
ношенію къ предметамъ незначительнымъ, къ част-
нымъ существамъ и лицамъ и къ ихъ жизни. Предъ
безконечною благостію Творца нѣть ничего столь
незначительного, что могло бы быть оставлено Имъ,
такъ сказать, въ пренебреженіи по своему ничтоже-

ству и не заслуживало бы попеченія, а премудрость Его конечно сильна найти способы согласовать благо отдельныхъ лицъ съ благомъ цѣлаго міра и всего человѣчества. Существо всесовершенное, которое стройно направляетъ гармоническое теченіе міровъ и ведеть родъ человѣческій къ высшему пред назначенію, не утруждается и не унижается попеченіемъ о ничтожныхъ птичкахъ, цѣнныхъ одною мелкою монетою. Тѣмъ болѣе Его промыслительный взоръ долженъ простираться на отдельныя существа міра разумнаго, личность которыхъ имѣть несравненно больше цѣны и значенія, чѣмъ неразумныя существа природы. Человѣкъ не поглощается человѣчествомъ, личность его не есть ничтожный случайный моментъ въ общемъ теченіи исторіи, не есть безразличное средство или матеріалъ для достижения неизвѣстныхъ ему общечеловѣческихъ цѣлей. Будучи пред назначеніемъ своею жизнію и дѣятельностію содѣйствовать благу цѣлаго и служить будущему, онъ тѣмъ не менѣе имѣть личное право на достижение своего частнаго совершенства и блаженства, имѣть право, по своему значенію, служить предметамъ Божественнаго попеченія. Отвергать такое значеніе индивидуума, думать, что Богъ заботится только объ общемъ строѣ міра и исторіи человѣчества, значитъ совершенно уничтожать всякое практическое значеніе мысли о Промыслѣ, узаконивать полнѣйшій нравственный индифферентизмъ. Опытъ жизни показываетъ, что нравственные нации усилия и стремленія не всегда имѣютъ своимъ послѣдствиемъ вѣшнее благополучіе. Поэтому основнымъ побужденіемъ нравственной дѣятельности для

насъ можетъ быть только увѣренность, что сю мы исполнимъ долгъ, возложенный на насъ Творцемъ нашимъ, и что вѣрное исполненіе этого долга привлекаетъ на насъ вниманіе, содѣйствіе и любовь Высочайшаго Законодателя нравственнаго царства. Чтобы идти въ жизни узкимъ и труднымъ путемъ добродѣтели, мы должны быть увѣрены, что этаъ путь приведетъ насъ къ высшей цѣли нашего существованія,—совершенству и блаженству. Но возможна ли подобнаго рода увѣренность при мысли, что Творецъ міра не обращаетъ на насъ никакого вниманія, что Онъ предоставилъ насъ и нашу частную жизнь волѣ случая, что Его взоръ обращенъ не на насъ, а на общую только законосообразность міра и исторіи? Къ чему тогда заботиться о самоусовершенствованіи, о добродѣтели, о борбѣ съ порокомъ, если наши усилія не только останутся безъ помощи, но пройдутъ совершенно незамѣченными предъ очами Божіими?

Вотъ почему нравственное и религіозное чувство человѣка съ такою особеною силою и живостію питаетъ увѣренность въ промыслительномъ попечении Божества о каждомъ отдельномъ лицѣ, несмотря на таинственность способовъ этого попеченія. Можно сказать, что эта увѣренность составляетъ коренную основу всѣхъ религій, и исторія каждой изъ нихъ старается представить фактическія подтверждения такой увѣренности, повѣствую о различныхъ явленіяхъ Божества людямъ, о помощи, какую оно ниспосыпало людямъ добродѣтельнымъ, о наказаніяхъ, какими оно поражало порочныхъ и проч. На этой увѣренности основывается возможность молитвъ,

жертвооприношений, религіозныхъ обрядовъ, вообще возможность всѣхъ тѣхъ отношеній къ Божеству, которыя мы называемъ религіозныи. Если эти отношенія не пустая мечта фантазіи, но имѣютъ дѣйствительное значеніе, то мы необходимо должны признать истину того убѣженія, на которомъ опѣ основываются и отъ которого получаютъ всю свою силу. Въ событіяхъ и обстоятельствахъ жизни каждого изъ насть, особенно не зависящихъ отъ личнаго нашего произвола, мы должны видѣть не одно только съипленіе случайныхъ обстоятельствъ, но руку Промысла, то благотворящую и вознаграждающую, то наказывающую, то испытывающую, то указывающую путь, какимъ долженъ слѣдоватъ человѣкъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И каждый внимательный къ своей жизни и къ жизни окружающихъ его лицъ, найдетъ случаи, когда эта рука Промысла давала себя видѣть съ особеною ясностью и знаменательностью, когда однимъ случайнymъ столкновеніемъ обстоятельствъ, решительно невозможно объяснить неожиданного и не зависящаго отъ воли человѣка сочетанія событій, въ которыхъ ясно видна вразумляющая его десница Божія.

И такъ не на однихъ только теоретическихъ основаніяхъ нашъ разумъ, признавая истину бытія Божія, признаетъ въ тоже время и необходимо вытекающую изъ нея истину божественнаго Промысла. Внимательное наблюденіе надъ ходомъ событій міра физического и духовнаго, даже надъ явленіями частной жизни, не можетъ не открыть слѣдовъ высшей разумности и высшей воли, правящей міромъ. Но тѣмъ не менѣе такое наблюденіе, какъ мы замѣтили, по

самому свойству человѣческаго разума, можетъ быть только ограниченнымъ. Кромѣ очевидныхъ явлений цѣлесообразности и разумности въ мірѣ, указывающихъ на дѣйствіе высочайшаго Разума, мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности много и такихъ явлений, которыхъ новидимому противорѣчатъ этой разумности, и не должны бы имѣть мѣста, если бы все въ мірѣ зависѣло отъ воли Промысла, еще болѣе такихъ, которыхъ представляются происходящими по естественнымъ, необходимымъ законамъ природы, не имѣющимъ отношенія къ какимъ либо высшимъ, опредѣленнымъ цѣлямъ. Эти явленія издавна давали обильный матеріалъ для возраженій противъ дѣйствительности Промысла и служили поводомъ къ отрицанію промыслительного дѣйствія Божества на мірѣ.

Ученіе, которое признавая бытіе Бога, какъ Творца міра отвергаетъ дальнѣйшее за тѣмъ участіе Его въ управлениі созданнымъ Имъ міромъ, мы можемъ назвать деизмомъ (въ отличіе отъ теизма, признающаго живое и постоянное отношеніе Божества къ миру). Самыми жаркими защитниками его были английскіе и французскіе философы XVIII вѣка, известные подъ именемъ деистовъ. Въ ближайшее къ намъ время отрицаніе истины Промысла большую частію соединяется съ отрицаніемъ самаго Божества какъ Существа личнаго и отличнаго отъ міра. Въ этомъ отрицаніи сходятся какъ крайній пантеизмъ (основа пантегионизма), такъ и материализмъ. Но не смотря на различіе принциповъ, сущность и содержаніе возраженій почти одинаковы. Различіе можно замѣтить только въ томъ, что деисты обращали болѣе вниманія

шія на качественныя свойства міра, его недостатки, и въ нихъ находили противорѣчіе Промыслу, а новѣйшиe противники его болыше указываютъ на законосообразность природы, независимо отъ ея качественныхъ опредѣленій. Мы сгруппируемъ важнѣйшія изъ этихъ возраженій, примѣнительно къ тѣмъ главнымъ положеніямъ, на которыхъ основывается истина Божественнаго Промысла.

Мы видѣли, что эта истина есть необходимый результатъ понятій о Богѣ и мірѣ.

Страннымъ можетъ показаться, что въ томъ же понятіи о безконечномъ совершенствѣ Божества, которое служило самымъ сильнымъ подтвержденіемъ мысли о Промыслѣ, некоторые находили основанія къ отрицанію его. Но между тѣмъ это такъ. Не станемъ говорить объ Епікурѣ и его послѣдователяхъ, древнѣйшихъ противникахъ истины Промысла. Его мысль, что попеченіе Божества о мірѣ и управлениe Имъ не согласно съ Его безконечнымъ блаженствомъ, такъ какъ оно утруждало бы Его и обременяло множествомъ заботъ, могла имѣть значеніе только для той философіи, которая идеаль счастія видѣла въ эпікурейской беззаботности и праздности (б). Болѣе благовидности имѣть встрѣчающаяся у новыхъ действий мысль, что абсолютное совершен-

(б) Достаточно привести на это возраженіе мѣткое замѣчаніе Цицерона: „Profecto Epicurus, quasi pueri delicati, nihil cessatione melius existimat At ipsi tamen pueri, etiam quum cessant, exercitatione aliqua ludicra delectantur ... Haec oratio non modo Deos spoliat motu et actione divina, sed etiam homines inertes efficit; siquidem agens aliquid, ne Deus quidem, esse beatus potest“ De nat. Deor. 1, 37.

ство Творца, требуетъ совершенства творенія, а совершеннымъ твореніемъ можетъ быть только міръ вполнѣ самостоятельный и независимый. Совершенійшее Существо, по своей благости, должно было создать и міръ столь совершенный, сколько то возможно. Но совершенный міръ долженъ быть такимъ, чтобы не нуждаться въ пособіи Творца для своего существованія въ дальнѣйшихъ исправкахъ и улучшеніяхъ. И въ произведеніяхъ рукъ человѣческихъ лучше и совершеніе та машина, которая дѣйствуетъ правильно и хорошо сама собою, а не та, которая движется только при постоянномъ вмѣшательствѣ въ ходъ ея художника, и нуждается въ постоянныхъ починкахъ и усовершенствованіяхъ. Поэтому достойнѣе понятія о Богѣ почитать Его устроившимъ міръ такъ прекрасно, что онъ не имѣть нужды въ дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ Божества, или Промыслѣ, а отношеніе Творца къ созданному Имъ творенію представлять въ видѣ отношенія художника или механика къ устроенному имъ, но отъ него совершенно отдѣльному, произведенію.

Нельзя не видѣть съ перваго взгляда слабыхъ сторонъ этого умозаключенія. Абсолютное совершенство Творца конечно предполагаетъ, что созданный Имъ міръ будетъ столько совершенъ, сколько то возможно. Но съ одной стороны, отличие творенія отъ Творца уже предполагаетъ, что этотъ міръ не есть и не можетъ быть *всесовершенъ* (иначе онъ и не отличался бы отъ Творца); а какъ относительно только совершенный, и потому относительно только самостоятельный, онъ можетъ имѣть и имѣть нужду въ сохраненіи и управлениіи Творцемъ. Съ другой

стороны, совершенно несправедливо то, что понятие совершенного міра требуетъ абсолютной независимости его отъ Бога. Машина или автоматъ вовсе не есть идеаль совершенійшаго произведенія. Совершенійшее произведеніе есть то, въ которомъ, при свободѣ и самостоятельности отдѣльныхъ частей или существъ, достигается общая гармонія, общий строй и порядокъ. Странно дѣйствующій оркестръ лучше самой совершенной музыкальной машины. Странное, одушевленное единствомъ разумныхъ стремлений и цѣлей общество свободно разумныхъ личностей несравненно выше и совершенѣе, чѣмъ съюзъ дѣйствующая машина. И болѣе прилично и соответственно высочайшей мудрости создать такое цѣлое, въ которомъ единство и гармонія достигались бы при относительной самостоятельности частей, чѣмъ искусный автоматъ, какимъ представляютъ міръ.

Что же касается теперь до самой эмпирической аналогіи, которою хотятъ замѣнить рациональное понятие объ отношеніи Божества къ міру, то она не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Когда Богъ изображается въ видѣ художника, устроившаго міръ какъ отдѣльное цѣлое, и потому оставившаго его, какъ механикъ отставляется въ сторону доконченную имъ машину, то здѣсь въ опредѣлениі отношенія Бога къ міру совершенно незаконно вводится понятие пространства и времени. Міръ отдѣляется отъ Бога, какъ одно пространственное цѣлое отъ другаго. Далѣе въ Божествѣ раздѣляются два или даже три временные момента въ Его дѣятельности, одинъ до создания міра, затѣмъ актъ создания, и наконецъ

прекращеніе всякаго отношенія къ міру. Но на самомъ дѣлѣ ни міръ не можетъ быть отдѣляемъ отъ Бога, ни Богъ оставаться недѣятельнымъ по отношенію къ міру.

Нельзя не обратить вниманія также и на странное противорѣчіе, въ которое впали деисты XVIII вѣка, первые виновники вышеиздѣланнаго возраженія противъ Промыслы. Доказывая, что міръ, какъ произведение совершеннѣйшей причины, долженъ быть совершеннымъ, а потому и не нуждаться въ дальнѣйшемъ содѣйствіи этой причины для своего существованія, т. е. въ Промыслѣ, они въ тоже время стараются доказать, что міръ далеко несовершенъ, что оптимизмъ Лейбница опровергается фактами, и все это выставляютъ на видъ также для опроверженія мысли о Промыслѣ. Странная непослѣдовательность мышленія, при которой одно и тоже положеніе то признается истиннымъ, то ложнымъ, для полемическихъ цѣлей. Міръ то является совершеннымъ, и потому Промысла нѣть; то оказывается очень несовершеннымъ, и потому Промысла опять нѣть. Но одно изъ двухъ: если міръ совершенъ, то вся полемика противъ цѣлесообразности и разумности міра въ частности, полемика действий противъ оптимизма, не имѣть смысла, обращена противъ нихъ же самихъ. Если не совершенъ, то по ихъ же принципу слѣдуетъ, что онъ имѣть нужду въ Промыслѣ и предполагаетъ его; потому что по ихъ собственному предположенію устраниется необходимость въ Промыслѣ совершенствомъ міра, а Промыслѣ могъ бы быть допущенъ только тогда, если бы міръ оказался несовершен-

нымъ, если бы машина міра, выражаясь ихъ словами, нуждалась въ поправкѣ и улучшениі.

Дѣйствительно въ ограниченности и несовершенствѣ міра, какъ мы видѣли, разумъ находить послѣ идеи Божества другое важное основаніе допустить мысль о Промыслѣ. Но въ этихъ же свойствахъ міра ищутъ самой надежной опоры своему мнѣнію и тѣ, которые отвергаютъ эту мысль. Враги Промысла издавна главную свою силу полагали въ подборѣ и исчислѣніи такихъ фактическихъ недостатковъ въ строѣ міра, которые повидимому не могли бы имѣть мѣста, если бы правило міромъ премудрое, всемогущее и благое Существо. «Сильные умы» (*esprits fortes*) прошлаго столѣтія особенно любили изощрять свое остроуміе въ изображеніи всего дурнаго, неразумнаго, случайнаго въ мірѣ, чтобы доказать, что этотъ міръ не только не есть наилучшій изъ міровъ, какъ училъ Лейбницъ, но едва ли не самый худшій изъ всѣхъ возможныхъ. А это вело къ той мысли, что все здѣсь происходитъ случайно, что нѣть никакой разумной Силы, которая бы правила вселенною.

Прибѣгая къ подробнымъ исчислѣніямъ физическихъ бѣдствій, болѣзней, нестроеній въ нравственномъ мірѣ и проч., противники Промысла думаютъ взять количествомъ и массою фактовъ тамъ, где недостаетъ внутренней силы въ доказательствахъ, — приемъ, который можетъ подействовать только на непроницательнаго наблюдателя. Вся логическая сила этихъ фактовъ сводится къ простому положенію: въ мірѣ есть много несовершенного и неразумнаго. Но дѣйствительно ли существованіе

этихъ несовершенствъ, которыя мы назовемъ вообще зломъ, физическимъ и нравственнымъ, предполагаетъ отсутствіе божественнаго Промысла?

Многимъ защитникамъ Промысла казалось, что лучшимъ отвѣтомъ на подобнаго рода возраженія можетъ служить отрицаніе важности и значенія указываемыхъ ихъ противниками фактovъ нравственныхъ и физическихъ нестроеній въ мірѣ. Они старались доказать, что представляющееся намъ неразумнымъ кажется такимъ только для поверхностнаго взгляда, а въ дѣйствительности все въ мірѣ прекрасно и цѣлесообразно. Согласить существованіе зла въ мірѣ съ премудростю и благостю Божію представлялось возможнымъ только посредствомъ уменія, почти уничтоженія этого зла предъ судомъ разума. Самою блестящею попыткою въ этомъ родѣ была теодиція Лейбница. Но она не только не дала окончательного отвѣта на вопросъ о причинахъ существованія зла, но по своей односторонности послужила новымъ матеріаломъ для изощренія остроумія противниковъ Промысла.

И дѣйствительно, подобныя попытки—отвѣтить на указаніе фактovъ несовершенствъ въ мірѣ усиліями показать ихъ разумность, необходимость или цѣлесообразность, едвали могутъ быть убѣдительными для тѣхъ, кои находятъ въ нихъ противорѣчіе Промыслу. Положимъ, многія изъ указываемыхъ намъ нестроеній и бѣствій мы найдемъ преувеличенными; въ другихъ откроемъ разумное и благотворное для человѣка значеніе. Но такъ какъ для нашего разума недоступно познаніе всего строя міра и всѣхъ путей божественнаго Промысла, то всегда будутъ оста-

ваться явленія, которыхъ истиннаго смысла и значенія мы угадать не въ силахъ, и пытаясь изъяснить которыхъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, неизбѣжно подвергнемся опасности виасти въ неудачныя и произвольныя предположенія. Этими явленіями и этими неудачными попытками всегда будутъ пользоваться наши антагонисты, какъ скоро мы будемъ держаться той мысли, что для достоинства Божественнаго Промыслѣа необходимо исчезновеніе зла изъ міра, въ настоящемъ его состояніи.

Отсюда видно, что не попытками уничтожить или умалить факты и явленія, представляемые противниками Промыслѣа, какъ ненормальные или безцѣльные, можно удовлетворить ихъ. На противъ, мы должны стать съ ними на одной почвѣ, согласиться, что дѣйствительно много существуетъ въ мірѣ несторонаго и несовершенного, отъ чего бы ни происходило это, отъ ограниченности ли міра, или отъ вторженія нравственнаго зла; но въ тоже время должны указать на логическую несостоятельность вывода, который они отсюда дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ, съ одной стороны, Божество всесовершенное, съ другой—міръ, который имѣеть много несовершенствъ, то какое прямое и естественное слѣдствіе отсюда вытекаетъ? То ли, которое выводятъ деисты, что Богъ не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ міра? Но это совершенно противорѣчило бы понятію о Богѣ. Всесовершенній Творецъ, благій и вмѣстѣ всемогущій, не можетъ потерпѣть, чтобы міръ предоставленный самому себѣ былъ преданъ нестроению и злу. Думать иначе, значило бы предполагать, что Богъ намѣренно, по какому-то нераспо-

ложению къ міру, бросилъ его и предоставилъ собственной судьбѣ. Напротивъ самое существование несовершенствъ въ мірѣ необходимо предполагаетъ Промыслъ, если только искренно признается бытіе Существа всесовершенного. Такое Существо въ виду несовершенствъ міра должно простирасть на него свое промыслительное влияніе съ цѣллю исправленія несовершенствъ и направленія всего ко благу. Цѣль творенія, которую мы должны понимать какъ абсолютно благую и мудрую, должна конечно быть достигнута, потому что Богъ не былъ бы безконечно совершенъ, еслибы произвелъ созданіе не могущее достигнуть предположенной Имъ цѣли его существованія. Но если эта цѣль должна достигаться, а міръ самъ собою, физическій по его безсознательности, духовный, по разрозненности цѣлей и интересовъ его частныхъ дѣятелей, достигнуть ея не можетъ, то самое несовершенство міра въ этомъ отношеніи уже предполагаетъ божественное міроправленіе.

Что же касается до явлений нравственного и физического разстройства, на которыхъ такъ любятъ указывать какъ на противорѣчие этому міроправленію, то онѣ только въ такомъ случаѣ могли бы имѣть подобное значеніе, еслибы дѣйствительно извращали весь порядокъ міра, дѣлали бы совершенно невозможнымъ осуществленіе той идеи міра и цѣли его, которую предположилъ Творецъ. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣть. Явленія, прямо противорѣчашація благу и разумности, не до такой степени всеобщи, многочисленны и постоянны, чтобы могли колебать собою и искажать весь законосообразный строй міра. Сгруппировавъ эти явленія въ одну массу, выставивъ ихъ

на первый планъ, изобразивъ преувеличенно яркими чертами, враги Промысла конечно могутъ придать имъ кажущуюся силу и поразить воображеніе мрачною картиною нестроенія и неразумности въ ходѣ міра. Но этотъ пессимизмъ легко разсвѣвается при свѣтѣ безпристрастнаго наблюденія. Это наблюденіе ясно показываетъ стройность и законосообразность наряду съ иѣкоторыми частными нарушеніями ея, движеніе человѣчества къ невѣдомымъ намъ, во возвышеннымъ цѣлямъ, несмотря на частныя колебанія и уклоненія въ сторону отъ этого движенія. Эти нарушенія и уклоненія—не болѣе, какъ скоропреходящія тѣни на свѣтломъ ландшафтѣ природы; не болѣе, какъ подводные камни въ быстромъ и свѣтломъ потокѣ, которые не въ силахъ остановить его теченія. И дѣйствительно мы видимъ, что не смотря на явленія кажущагося разстройства въ природѣ, на землетрясенія, бури, наводненія, моровыя язвы, на истребительную войну органическихъ существъ между собою, общий строй природы, ея цѣлостность и законосообразность не нарушаются. Не смотря на игру мелкихъ самолюбій, страстей, пороковъ, заблужденій, личныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и народовъ, родь человѣческій не только не погибаетъ и не развращается окончательно, но хотя медленными и трудными шагами, идетъ къ совершенству; и всѣ временныя уклоненія отъ прямаго пути и неблагопріятныя обстоятельства не препятствуютъ достижению цѣли человѣческаго существованія, не только всему человѣчеству, но и каждому отдѣльному лицу. Это показываетъ, что несмотря на недостатки и несовершенства, зазѣчаемыя

въ міръ, мудрость божественнаго Промыслы сильна вести міръ къ его назначению. Она не только сильна уничтожить вредныя послѣдствія уклоненій отъ правильности и добра, но и воспользоваться ими (напр. физическими бѣдствіями, болѣзнями), какъ средствомъ къ достижению высшихъ цѣлей, употребляя ихъ то какъ наказаніе порока, то какъ испытаніе и искушеніе добродѣтели, вообще какъ приготовительное и воспитательное пособіе для нравственнаго образования людей.

Но намъ нѣть дѣла до совершенства или несовершенства тѣхъ или другихъ явлений міра, говорять новѣйшіе преемники ученія французскихъ энциклопедистовъ. Пусть Волтеръ пишетъ поэму на разрушение Лиссабона, и недоумѣваетъ, какъ согласить это явленіе съ предполагаемою мудростю Прорицанія. Пусть «сильные умы» изощряются въ насмѣшкахъ надъ оптимизмомъ Лейбница. Серьозный, эмпирическій взглядъ на природу имѣеть въ виду другую точку зреінія. Хорошо ли, худо ли идутъ дѣла въ міръ, наукъ до этого нѣть дѣла; но она достовѣрно знаетъ, что все въ мірѣ совершается по необходимымъ, естественнымъ законамъ. Въ природѣ неизмѣнно господствуютъ законы физическіе, химическіе, органическіе и опредѣляютъ безусловно всѣя явленія. Ни настоящее, ни прошедшее природы не представляютъ никакихъ случаевъ нарушенія этихъ законовъ, которое могло бы вести къ мысли о вліянії на ходъ міра какой либо посторонней виѣшней силы. Тоже и въ мірѣ нравственному: всѣ явленія психической жизни индивидуумовъ, всѣ события исторической жизни народовъ и человѣчес-

ства могутъ быть объяснены изъ естественной связи причинъ и дѣйствій; мы и здѣсь, также какъ въ природѣ, не найдемъ признаковъ вмѣшательства какой либо сверхъестественной силы. Если бы такое влияніе высшей силы дѣйствительно было, то оно не замедлило бы сказаться въ необыкновенныхъ по временамъ прерывахъ дѣйствія физическихъ и психическихъ силъ. въ видоизмѣненіи этихъ дѣйствій, во внесеніи въ общій порядокъ міра новыхъ предметовъ и явлений. Но ничего подобнаго нѣтъ. Отсюда видно, что если мы и должны допустить сверхъестественную причину для объясненія начала міра, то этимъ и должно ограничиться ея дѣйствіе; допускать дальнѣйшее затѣмъ вмѣшательство ея въ ходъ міра, признавать Промыслъ—значитъ итти на перекоръ фактически несомнѣнной самостоятельности законовъ природы.

Если сблизимъ это возраженіе съ предыдущимъ, то можетъ показаться, что теизмъ находится въ безвыходномъ положеніи, и что не только человѣческому уму, но и самому Богу невозможно убѣдить извѣстныхъ мыслителей въ существованіи Промысла. Будетъ ли созданъ міръ такъ, что все въ немъ пойдетъ безъ порядка и безъ связи, случайно, дурно, что ходъ природы будетъ постоянно прерываться и колебаться неизвѣстными причинами, намъ скажутъ: этотъ беспорядокъ прямое доказательство, что Промысла нѣть. Будетъ ли міръ устроенъ такъ, что все въ немъ будетъ совершаться неизмѣнно правильно, по точнымъ законамъ порядка и гармоніи, опять скажутъ: эта-то правильность и законосообразность природы и доказываетъ, что Промысла нѣть,

а все идетъ хорошо само собою. Но на самомъ дѣлѣ эта дилемма не такъ страшна, какъ кажется, и именно потому, что здѣсь предполагаются два возможные противоположные порядка міра, съ забвениемъ о настоящемъ дѣйствительномъ порядкѣ, который не представляетъ ни абсолютной случайности и беспорядочности, ни абсолютной законосообразности. Дѣйствительный міръ представляетъ господство законосообразности въ видимой природѣ и господство свободы въ нравственной. А это сочетаніе свободы и необходимости, возможности уклоненія отъ порядка и неизбѣжности слѣдованія ему и предполагаетъ необходимость высшей міроправящей Силы, которая бы, не нарушая ни законовъ природы, ни свободы человѣка, вела міръ къ осуществленію разумныхъ цѣлей.

Что касается теперь до той строгой законосообразности, которую мы дѣйствительно замѣчаемъ въ явленіяхъ природы физической, то она не только не можетъ служить возраженіемъ противъ Промысла, но напротивъ служить лучшимъ и яснѣйшимъ подтвержденіемъ его дѣйствительности. Природа безсознательная иначе и не можетъ быть мыслима, какъ дѣйствующею по необходимымъ, постояннымъ и неизмѣннымъ законамъ, и это постоянство законовъ, столь правильныхъ и цѣлесообразныхъ, что они никогда не возмущаются въ своемъ ходѣ какимъ либо взаимнымъ столкновеніемъ или недостаткомъ гармонии въ ихъ равновѣсіи, несомнѣнно показываетъ, что надъ устройствомъ и порядкомъ міра наблюдаетъ высшая мысль и высший разумъ. Слѣпое и безсознательное движеніе естественныхъ силъ, самихъ по

себѣ, никогда не могло бы произвести ничего, кромѣ хаотического и случайного броженія силъ и элементовъ, разрушающихъ себя во взаимномъ столкновеніи. То, что мы называемъ законами природы, иначе, — постояннымъ и опредѣленнымъ образомъ дѣйствія ея силь, въ сущности и есть ничто иное, какъ выраженіе разумной воли Творца, способъ божественнаго міроуправлѣнія. Если мы допускаемъ въ природѣ законъ, то конечно вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ нѣчто стоящее выше матеріи и физическихъ силь, допускаемъ вицѣній порядокъ и норму ихъ дѣйствія. Когда мы говоримъ: законъ, то разумѣемъ здѣсь не что либо материальное, сложенное, напр. изъ атомовъ, которые въ наше время считаются сущностю матеріи. Не разумѣемъ также и того, что законъ есть тоже, что сила природы; сила не есть еще законъ, но сама дѣйствуетъ по опредѣленному закону. И такъ законъ есть нѣчто стоящее выше матеріи и силы, опредѣляющее ихъ взаимное отношеніе и дѣйствіе. Но это высшее, опредѣляющее можетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ выражениемъ воли Законодателя, проявленіемъ Разума, правящаго природою.

Поэтому можно назвать крайне поверхностнымъ такое представление о Промыслѣ, которое отожествляетъ промыслительное дѣйствованіе Божества съ чудеснымъ и ищетъ свидѣтельствъ въ его пользу не въ дѣйствительномъ законопосообразно - разумномъ ходѣ природы, но въ какихъ либо необычайныхъ нарушеніяхъ этого хода. А такого именно представления и держатся тѣ мыслители, которые требуютъ, чтобы для доказательства его истины были представлены

имъ какія либо фактическія указанія на нарушение естественнаго порядка природы вторженіемъ сверхъ-естественной силы, и вслѣдствіе предполагаемаго ими отсутствія подобныхъ указаний, отвергаютъ и самую мысль о Промыслѣ. Дѣйствительно ли подобнаго рода указаній нѣть, это другой вопросъ. Здѣсь замѣтимъ только, что въ подобномъ требованіи заключается противорѣчіе съ тѣмъ самымъ понятіемъ высочайшей разумности, которую и они считаютъ свойствомъ Существа высочайшаго. Если мы признаемъ такое Существо, какъ Виновника міра, то не всего ли естественѣе предположить, что Оно дало міру законы наиболѣе разумные, а потому самому постоянные и неизмѣнныя, что Оно правитъ міромъ при помощи тѣхъ же самыхъ законовъ, которые Имъ даны, а не нарушая и постоянно измѣняя ихъ? Божественное міроправленіе при совершенствѣ Божества иначе и не можетъ быть мыслимо, какъ при возможно точномъ сохраненіи тѣхъ законовъ и силъ, которые существуютъ въ природѣ, при осуществлѣніи идеи и цѣли міра при тѣхъ условіяхъ, которыми опредѣляется нормальный порядокъ вещей. Постоянное сверхъ-естественное обнаруженіе творческой силы необыкновенными дѣйствіями скорѣе возбуждало бы сомнѣніе въ совершенствѣ Творца, который, устроивъ міръ извѣстнымъ образомъ, потомъ какъ бы нашелъ, что данный Имъ порядокъ не такъ хороши, какъ представлялось сначала, что въ немъ многое и часто нужно измѣнять особенномъ, необычайнымъ проявленіемъ своей силы.

И такъ естественная законосообразность міра, неизмѣнное господство законовъ физическихъ, само-

стостоятельность действій существъ разумныхъ, все это не можетъ колебать мысль о Промыслѣ. Промыслъ мы должны представлять не въ видѣ только періодическихъ вторженій сверхъ-естественной силы въ естественное теченіе вещей, но какъ постепенное и гармоническое осуществленіе разумной цѣли міра, при самостоятельности его законовъ и силъ; следовъ божественного міроуправлениія мы должны искать не въ однихъ только сверхъ-естественныхъ событияхъ, но прежде всего и главнымъ образомъ въ обыкновенномъ законосообразномъ порядкѣ природы.

Такимъ образомъ для рационального утвержденія мысли о Промыслѣ нѣть нужды прибегать къ необыкновеннымъ и сверхъ-естественнымъ проявленіямъ божественной Силы среди законосообразнаго теченія міра. Но тѣмъ не менѣе теперь можно спросить, дѣйствительно ли вѣрно то предположеніе, что ни въ исторіи природы, ни въ исторіи человѣчества нѣть тѣхъ необъяснимыхъ законами природы явленій, которыя если не сильнѣе, то по крайней мѣрѣ нагляднѣе, чѣмъ обыкновенная законосообразность міра, указывали бы намъ на правящую міромъ верховную Силу?

Если мы обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ религіозному сознанію человѣка, то найдемъ, что во всѣ времена, во всѣхъ религіяхъ, мысль о сверхъ-естественныхъ дѣйствіяхъ оно неразрывно соединяло съ мыслию о Промыслѣ. Оно признавало Божество не только существующимъ надъ сохраненіемъ и направлениемъ къ благу естественныхъ силъ и законовъ природы, но и ближайшимъ непосредственнымъ образомъ проявляющимъ это господство чрезъ про-

изведеніе для блага людей такихъ явленій, которыя выступаютъ изъ ряда естественныхъ. Что подобныя явленія божественной силы, иначе чудеса, почитаются имъющими величайшую важность въ дѣлѣ божественного міроуправлениія во всѣхъ религіяхъ, объ этомъ говорить нѣтъ нужды.

Не такъ довѣрчиво, какъ религіозное сознаніе, относится къ необыкновеннымъ дѣйствіямъ Промысла философія. Главная причина этого недовѣрія, конечно, скрывается въ очень естественномъ нерасположеніи науки, которая стремится понять и изъяснить существующее, къ такимъ явленіямъ, которая по самой своей сущности не могутъ быть поняты и изъяснены. Такаго рода явленія ограничиваются предѣлы науки, тогда какъ она стремится пролить свой свѣтъ на все существующее. Но тѣмъ не менѣе право науки на абсолютное господство не можетъ быть основаніемъ къ отрицанію сверхъ-естественныхъ явленій, какъ скоро разсудокъ не противорѣчитъ ихъ возможности, а опытъ или исторія несомнѣнно засвидѣтельствуютъ объ ихъ дѣйствительности.

Что касается до послѣдней, то конечно сужденіе о ней не принадлежитъ теоретическому мышленію. Дѣйствительность или недѣйствительность какаго либо события опредѣляется не теоріею, а другими способами, напр. историческою критикою, оцѣнкою показаній о немъ свидѣтелей, собственнымъ опытомъ и наблюдениемъ. Философія не имѣть право судить о дѣйствительности a priori на основаніи предзанятыхъ теорій. Если известного рода фактъ утверждены въ своей истинѣ беспристрастною историческою

критикою, онъ долженъ быть признанъ, не смотря на то, что онъ не находилъ бы мѣста и изъясненія въ какой либо философской теоріи. Отрицаніе его показывало бы только односторонность или недостаточность самой теоріи.

Но къ сожалѣнію въ вопросѣ о сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ божественнаго міроуправлениія философія всегда была склонна отдавать преимущество теоріи предъ исторію, и опровергать дѣйствительные факты, какъ скоро они не изъяснялись системою. Мы не говоримъ того, чтобы возраженія противъ чудесъ возникали только со стороны одной философіи. Въ попыткахъ опровергнуть критическимъ путемъ достовѣрность сказаний о чудесахъ, преимущественно о тѣхъ, о которыхъ повѣствуютъ памятники христіанской религії, какъ извѣстно, недостатка не было. Въ какой мѣрѣ онъ удачны, это вопросъ для насъ посторонній. Но дѣло въ томъ, что внутреннимъ, сокровеннымъ, а иногда и довольно ясно обнаруживаемымъ источникомъ этихъ попытокъ большую частію было не желаніе только безпредвзятно оцѣнить степень достовѣрности сказаний о чудесахъ, но положительное, предзанятое намѣреніе опровергнуть эту достовѣрность. Руководящимъ началомъ критики являлась предзанятая мысль о невозможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла. Что самая критика при господствѣ этой мысли не могла быть безпредвзятной, что вопросъ о чудесахъ уже предрешался независимо отъ историческихъ изысканій,—этаго ожидать было естественно.

Но дѣйствительно ли предположеніе о невозможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла со-

ставляетъ такую непоколебимую истину теоретического знанія, что она позволяетъ отвергать, или по крайней мѣрѣ предрасполагать къ отверженію самыхъ повидимому несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о такихъ дѣйствіяхъ?

Что мыслители, отрицающіе Божественный Промыслъ, должны отрицать и особенный видъ его,— дѣйствія сверхъестественныя, это вполнѣ понятно и естественно. Но какъ скоро допускается не только существованіе Божества, но и Его промыслительное отношеніе къ миру, то отвергать возможность подобныхъ дѣйствій было бы логическою непослѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ сотворилъ миръ первоначально, свободнымъ актомъ Своей всемогущей воли далъ природѣ известные законы, то конечно Онъ властенъ и измѣнить эти законы, если бы то оказалось нужнымъ для какой либо высшей цѣли. Если намъ скажутъ, что эти законы постоянны и неизмѣнны, то должно замѣтить, что это постоянство и неизмѣнность не суть абсолютныя, вытекающія изъ необходимости самой природы Божественной, которой бы онъ составляли проявленія; ихъ постоянство относительное, условливаемое свободною волею Божіею. Если же не въ какой либо абсолютной необходимости божеской природы мы должны искать объясненія той формы и вида законовъ природы, какой онъ имѣютъ нынѣ, а въ свободной волѣ Существа личнаго, то иѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы эта же воля могла и измѣнить ихъ, или направить къ произведенію такого рода явлений, которыхъ естественнымъ путемъ изъ нихъ не слѣдуютъ. Не имѣя абсолютной необходимости,

законы природы не заключаютъ въ себѣ и необходимости логической, то есть они не таковы, чтобы противное имъ было не мыслимо, чтобы мы не могли представить въ природѣ дѣйствій и явлений, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, безъ противорѣчія нашему мышленію. Такъ напр. для настѣ немыслимо, и составляетъ противорѣчіе коренными законамъ мышленія, чтобы дважды два было не четыре а пять, или чтобы одинъ и тотъ же предметъ въ тоже время былъ и бѣлымъ и не бѣлымъ. Но нѣть никакого противорѣчія мыслить въ ряду явлений природы такія, которыя выходятъ изъ ряда естественныхъ, тѣмъ болѣе когда мы имѣемъ достаточную причину для объясненія ихъ происхожденія въ Существѣ высочайшемъ. Настоящій порядокъ міра не есть единственно мыслимый и безусловный: онъ можетъ опредѣляться въ своемъ существованіи не только низшими законами природы, но и высшими законами Божественнаго міроуправленія, при чемъ перваго рода законы могутъ подчиняться послѣднимъ для высшихъ цѣлей.

Но отвлеченной возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промыслы, говорятъ намъ, недостаточно для положительного признанія ея. Нѣть спора, что говоря вообще, всемогущество Божіе безпредѣльно, слѣдовательно для него возможны и дѣйствія, выходящія изъ ряда естественныхъ. Но нужно обратить вниманіе на то, что въ Богѣ есть еще другія свойства кроме всемогущества, и что доступно послѣднему, то можетъ не согласоваться съ первыми, и слѣдовательно быть для Него морально невозможнымъ, не смотря на возможность для абсолютнаго всемогущества.

Такъ, одно изъ существенныхъ свойствъ Божества есть Его неизмѣняемость; она простирается не только на самую природу Божества, но и на опредѣленія Его воли относительно существъ сотворенныхъ. Эти опредѣленія, послѣдствіемъ которыхъ служать и существующіе нынѣ законы природы и духа, по самому совершенству Божеской воли и разума, начертавшихъ ихъ, не могутъ быть отмѣняемы или извращаемы. Но дѣйствія сверхъестественныя и суть именно такое измѣненіе божественной воли, которое какъ будто предполагаетъ, что избранный и учрежденный Богомъ порядокъ міра оказался не такъ хорошъ, какъ предполагалось въ началѣ, что движение природы и человѣка по даннымъ имъ законамъ не можетъ привести къ предположенной Высочайшимъ Существомъ цѣли, и что нужны по временамъ уклоненія отъ этихъ законовъ. Если бы дѣйствительно міръ во всѣхъ своихъ областяхъ представлялъ развивающееся по неизмѣннымъ, начертаннымъ божественною волею законамъ цѣлое, безъ возможности уклоненія отъ нихъ, то представленное возраженіе конечно имѣло бы полную силу. Въ измѣненіи законовъ міра, въ произведеніи какихъ либо явлений, нарушающихъ или превышающихъ эти законы какъ цѣлесообразные, не было бы нужды; такое нарушение показывало бы измѣняемость воли Творца и Его несовершенство. Но возражающіе упускаютъ изъ виду цѣлую область міра, область существъ сознательно свободныхъ, а съ ними и возможность уклоненія отъ законовъ нравственныхъ, данныхъ Богомъ. Нарушеніе этихъ законовъ, дѣйствительность которого представляеть опытъ, измѣ-

няеть нормальный и опредѣленный Богомъ порядокъ міра; въ слѣдствіе этого является возможность новыхъ, особенныхъ дѣйствій божественной воли, которые могутъ быть названы необыкновенными и сверхъестественными. Эти необыкновенныя особенные дѣйствія Промыслы вызываются и условливаются особенными, иенormalными явленіями въ мірѣ нравственному и означаютъ не измѣняемость и колебание божественной воли, а напротивъ неизмѣнность божественного опредѣленія, чтобы міръ достигалъ предположенной имъ благой цѣли, не смотря на препятствія полагаемыя превратною дѣятельностю существъ свободныхъ.

Поэтому совершенно справедливо, что чудеса или вообще сверхъестественныя дѣйствія Промыслы предполагаютъ уже измѣнившійся и уклонившійся отъ первоначальной нормы порядокъ міра нравственного, побуждающій Творца возстановлять этотъ порядокъ посредствомъ такихъ дѣйствій, которые не были бы необходимы при законосообразномъ состояніи міра. Такъ и смотрить на значеніе чудесъ религія; она видитъ въ нихъ сверхъестественное возстановленіе нарушенного паденіемъ человѣка первоначального совершенства міра; неестественное нарушеніе этого совершенства зломъ требовало и сверхъестественного возстановленія міра въ первобытное состояніе.

Религіозное ученіе о паденіи человѣка, конечно, во многихъ своихъ частяхъ представляетъ тайну для разума. Но эта таинственность касается больше самаго способа происхожденія паденія; что же касается до послѣдствій его,—до факта поврежденія человѣческой природы, то едвали кто-либо вопреки

очевидности станет утверждать, что все въ мірѣ нравственномъ идетъ нормальнымъ порядкомъ, что въ жизни человѣчества нѣтъ никакихъ уклоненій отъ законовъ правды и добра, никакихъ заблужденій, пороковъ. А какъ скоро признается фактъ не-нормальности въ нравственной природѣ, отъ чего бы она ни происходила, то вмѣстѣ съ этимъ признается и возможность особенныхъ дѣйствій Промысла, направленныхъ къ возстановленію нарушенной законосообразности міра.

Но намъ говорятъ: если условливать возможность чудесъ возможностію уклоненія міра, въ частности міра человѣческаго, отъ своей нормы, если смотрѣть на чудеса какъ на средство возстановленія нарушенной человѣкомъ гармоніи міра, то нужно бы предположить, что это средство будетъ обыкновеннымъ, а не исключительнымъ, что сверхъестественные дѣйствія будутъ постоянными, а не случайными дѣйствіемъ Божества въ управлении міромъ. Иначе трудно объяснить, почему столь удобное средство къ возстановленію нравственного порядка не употребляется постоянно, а только въ рѣдкихъ случаяхъ. Почему напр. Богъ не поражаетъ громомъ или внезапною смертью нечестиваго на чѣстѣ преступленія, почему не защищаетъ отъ внезапныхъ бѣдствій добродѣтельного, допускаетъ слышныя силы природы губить его наравнѣ съ преступниками и проч?

Нельзя не видѣть, что подобное возраженіе, основанное на томъ предположеніи, что если чудеса возможны, то они должны бы случаться постоянно, основывается на слишкомъ поверхностномъ сужденіи о Промыслѣ и путяхъ его, на субъективныхъ,

личныхъ соображеніяхъ о томъ, что нужно или не нужно, полезно или бесполезно для блага человѣка. Во всякомъ случаѣ изъ иден абсолютной разумности Божества и самостоятельности міра слѣдуетъ та мысль, что намѣренія Промысла прежде всего будуть осуществлямы при помощи естественныхъ законовъ міра и съ сохраненіемъ свободы человѣка, слѣдовательно, дѣйствія сверхъестественные будутъ происходить только въ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, когда безъ нихъ было бы невозможно осуществление цѣлей Провидѣнія. Опредѣлять же эти исключительные случаи по личнымъ соображеніямъ ограниченного разума рѣшительно неумѣстно. Было бы признакомъ величайшей поверхностности мышленія, если бы мы стали утверждать, что въ такомъ-то случаѣ для предотвращенія нравственного беспорядка или для наказанія его прилично бы быть чуду, а въ такомъ-то нѣть, и если чудо, тамъ гдѣ оно представляется наимъ нужнымъ, не случилось, если напримѣръ Богъ не поразилъ внезапною смертю преступника, то отвергать на этомъ основаніи возможность чудесъ вообще. Если бы мы вполнѣ знали всѣ пути, которыми человѣчество должно идти къ предназначеннѣй ему цѣли, всѣ наилучшія средства къ ея достижению, то конечно имѣли бы нѣкоторое право судить, въ какомъ случаѣ эта цѣль можетъ быть достигнута Промысломъ при естественныхъ средствахъ, и въ какомъ случаѣ нужны средства сверхъестественные. Но пока ни эти пути, ни эти средства намъ неизвѣстны, да онъ и не могутъ быть известны прежде завершенія исторіи міра и человѣчества, то вопросы: почему при однихъ случаяхъ

имъло мѣсто необычайное дѣйствіе Промысла, а при другихъ нѣть, будуть совершенно праздными вопросами ни на чёмъ не основаннаго личнаго возрѣнія на порядокъ міра. Разумъ здѣсь долженъ преклониться предъ мыслю о непостижимости путей Промысла и безконечной мудрости Творца, которая опредѣляетъ мѣсто, время и способъ необыкновенныхъ дѣйствій божественнаго всемогущества, и если не производить чудесъ постоянно, то не потому чтобы они были невозможны, но потому что такой образъ дѣйствованія несогласенъ съ недовѣрѣмыми намъ преднаречаніями Божества о благѣ человѣчества. Единственный свѣтъ здѣсь можетъ быть пролить только божественнымъ откровеніемъ, которое въ исторіи домостроительства о спасеніи человѣка указываетъ и на планъ сверхъестественнаго возстановленія человѣка и на тѣ необычайные пути и средства, которыми оно вело и ведетъ его ко спасенію.

Но допуская возможность измѣненія естественнаго порядка природы для сохраненія порядка міра нравственнаго, не допускаемъ ли мы вмѣсть съ тѣмъ мысль о беспорядкѣ въ мірѣ физическомъ? Природу мы представляемъ, какъ строгою законосообразностію связанное единство временно-пространственнаго бытія, въ которомъ какъ все вообще, такъ и каждое явленіе въ частности, самымъ тѣснымъ образомъ условливается одно другое, такъ что весь ходъ временнаго бытія вещей образуетъ непрерывную последовательность,—то, что мы называемъ процессомъ. При такомъ взглядѣ на природу, о случаяхъ, какъ явленіи безпричинномъ и безосновномъ, не определенномъ точными законами природы, не

можетъ быть и рѣчи. А чудо, какъ явленіе возникшее въ естественной связи причинъ и дѣйствій, и было бы именно по отношенію къ законосообразности природы явленіемъ случайнымъ, ею неопределеннымъ. Такое явленіе, если бы оно произошло, произвело бы перерывъ въ процессѣ природы, который бы сопровождался измѣненіемъ цѣлаго плана міра, потому что каждое вновь внесенное туда явленіе устанавливало бы новый, дальнѣйший порядокъ вещей, послужило бы причиною дальнѣйшихъ физическихъ явленій, которыя разрушили бы законосообразное теченіе міра. Каждое сверхъестественное явленіе или прекратило бы на время процессъ естественныхъ явленій въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, тогда какъ всѣ другіе процессы природы въ тоже время продолжали бы дѣйствовать, а отсюда возникъ бы въ природѣ такой же беспорядокъ, какой въ механизмѣ, если бы одна пружина или колесо были пріостановлены въ своемъ движениі; или же сверхъ-естественнымъ дѣйствіемъ Промыслы вводилось бы въ кругъ естественныхъ предметовъ и явлений новое явленіе, которое какъ причина произвело бы дальнѣйшіе результаты, а отсюда опять дѣйствіе естественной законосообразности точно также спуталось бы, какъ если бы въ механизмѣ мы бросили ненужный камешекъ, или вложили ненужную часть въ средину нужныхъ.

Все это умозаключеніе держится на совершенно невѣрномъ взглѣдѣ на взаимное отношеніе частей и явлений природы къ цѣлому. Это отношеніе вовсе не такого рода, чтобы измѣненіе совершающееся въ одной части необходимо влекло за собою соотвѣт-

ственное измѣненіе въ цѣломъ ходъ міра, какъ въ механизмы перемѣна, порча или остановка одной части влечетъ за собою разгромство и остановку цѣлой машины. Міръ есть цѣлое органическое, а не механическое. Какъ въ организмѣ случайное, временное измѣненіе въ положеніи одной какой-либо части, пріостановка дѣятельности какого-либо органа не сколько не останавливаетъ и не повреждаетъ жизни цѣлаго организма, такъ и въ природѣ. Въ растеніи напримѣръ, въ ту или другую сторону наклонитъ вѣтеръ извѣстную вѣтку въ данный моментъ, оторвется ли листъ отъ дерева или нѣтъ, эти случайные измѣненія не произведутъ никакого вліянія на жизнь растенія, или, если даже и произведутъ, говоря строго, по естественной связи причинъ и дѣйствій, то такое ничтожное и незначительное, что равняется почти нулю. Тоже и въ природѣ; но отношенію къ ея цѣлости и законосообразности, мѣстныя и временные уклоненія отъ ея законовъ сверхъ-естественною силою имѣли бы еще менѣе значительное вліяніе, чѣмъ случайный напримѣръ новоротъ листка на деревѣ, не въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ, но въ противоположную. Что такія случайные, или точнѣе сказать, не вытекающія изъ естественной связи причинъ и дѣйствій явленія, и помимо сверхъестественныхъ въ природѣ есть, и что онъ своимъ существованіемъ не нарушаютъ естественной законосообразности, — самое ясное доказательство тому — произвольная дѣятельность человѣка на природу. Но отношенію къ естественному течению природы и онъ также суть нѣчто сверхъестественное, то есть не условливаемое самою природою

и по отношению къ ней винъшни и случайны, но однажды онъ не нарушаютъ жизни природы въ ея гармонии и цѣлости. Человѣкъ, напримѣръ, срубилъ дерево; гибель дерева въ данный моментъ вовсе не есть что либо предопределеное естественнымъ ходомъ законовъ природы; она явленіе случайное, фактъ насильственно такъ сказать введеній въ законосообразный ходъ міра; но нарушился ли этимъ сколько нибудь порядокъ природы? Остановилась ли она въ своемъ теченіи? Произвело ли это новое явленіе новый рядъ измѣненій въ природѣ, прерывающихъ его гармоническое движеніе? Срублено ли дерево, останется ли на мѣстѣ,—міръ остается цѣлымъ и невредимымъ. Тоже самое очевидно будетъ и тогда, если предположимъ напримѣръ, что дерево срублено не рукою человѣка, но внезапно упало и погибло дѣйствиемъ какой-либо сверхъестественной силы, никакого измѣненія и беспорядка въ природѣ не произойдетъ. Такимъ образомъ, если производимыя человѣкомъ измѣненія въ природѣ и произвольныя его дѣйствія на нес, которыя въ дѣйствительности постоянны, обширны и многочисленны, не могутъ однажды разрушить самостоятельность природы и уничтожить ея порядокъ и законы, то тѣмъ страннѣе было бы предполагать, что механизмъ міра могъ быть сколько нибудь разстроенъ сверхъестественными дѣйствіями Промысла, вообще рѣдкими и исключительными.

Еще менѣе, чѣмъ преувеличенное мнѣніе о законосообразности природы, можетъ служить возраженіемъ противъ возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла столько же преувеличенная мысль объ

условіяхъ научнаго познанія природы и ея явлений, которой будто бы противорѣчить вѣра въ возможность подобныхъ дѣйствій. Истинно научное познаніе природы, говорять намъ, возможно только при предположеніи безусловной законосообразности природы, не нарушаемой никакими сверхъестественными прерывами или явленіями. Какъ скоро возможность подобныхъ перерывовъ допущена, то исчезаетъ всякая твердость эмпирическаго знанія; вместо изысканія естественныхъ причинъ явлений, особенно неизвѣстныхъ, мы легко можемъ останавливаться на предположеніи причины сверхъестественной и довольствоваться ею для объясненія всего намъ непонятнаго. И науки естественные тогда только вышли на путь прогресса, когда, съ устраненіемъ мысли о чудесахъ, отнята у человѣческаго ума легкая возможность останавливаться на сверхъестественномъ, при встрѣчѣ сколько нибудь труднаго для объясненія явленія. Допустивъ снова эту мысль, мы опять дадимъ уму поводъ и соблазнъ прекращать научные изслѣдованія на сколько нибудь трудныхъ пунктахъ и положимъ преграду научному изученію природы.

Во всемъ этомъ конечно очень много справедливаго, но очень мало отношенія къ вопросу о возможности или невозможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла, самихъ по себѣ. Дѣло не въ томъ, содѣйствуетъ или препятствуетъ успѣхамъ естествознанія вѣра въ чудеса, а въ томъ, могутъ ли чудеса быть или неѣтъ. Если мы на основаніи началь теоретическихъ допустимъ такую возможность, а провѣренный критикою опытъ укажетъ намъ и дѣйствительность ихъ, то мы должны будемъ

признать ихъ какъ фактъ, не смотря на то вліяніе, которое онъ могъ бы произвести въ субъективномъ направлениі нашего познанія. Отвергать фактъ сверхъ-естественного дѣйствія Промысла на томъ только основаніи, что онъ можетъ быть невыгоденъ для успѣховъ нашего знанія, также произвольно и неосновательно, какъ отвергать напримѣръ истину какаго нибудь исторического события, потому только, что оно можетъ произвести дурныя послѣдствія въ чуждой ему субъективной области, напримѣръ произвести вредное вліяніе на нравственность, подать дурной примѣръ. Фактъ самъ по себѣ равнодушенъ къ послѣдствіямъ, какія могутъ быть извлечены изъ него, и достовѣрность его не можетъ быть опредѣляема по соображенію съ этими послѣдствіями.

Впрочемъ самая опасность для науки отъ признания возможности чудесъ сильно преувеличена. Конечно опасность признанія всякаго цепонятнаго явленія за сверхъ-естественное, — это такъ сказать злоупотребленіе понятіемъ чуда, на которое указывалъ Кантъ, какъ на главное возраженіе противъ чудесъ, можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи къ обыкновенному познанію, не далекому въ своихъ изысканіяхъ причинъ явлений; но такая опасность никакъ не угрожаетъ знанію истинно-научному. Самое простое правило науки состоитъ въ томъ, чтобы были приняты во вниманіе всѣ возможности естественного сочетанія причинъ для объясненія даннаго явленія, и только тогда, когда рѣшительно никакія естественные условия не могутъ объяснить его, допускать или неизѣяснимость его при современномъ положеніи науки, или сверхъ-естественность, когда кромѣ непо-

нятности въ немъ замѣчаются и другіе признаки, указывающіе дѣйствие высшей силы. Исполненіе этого простаго правила достаточно можетъ гарантировать науку отъ возможности самообольщенія. Если же это правило иногда не выполняется, и человѣкъ бываетъ слишкомъ посѣщенъ въ признаніи необыкновенного или ему неизвѣстнаго за сверхъестественное, то вина въ томъ, не въ самомъ понятіи о сверхъестественномъ, а въ ограниченности наблюдателя. Какъ мало признаніе возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла препятствуетъ изученію природы, примѣръ тому во множествѣ естествоиспытателей искреннихъ христіанъ; не было примѣра, чтобы они въ своихъ изслѣдованіяхъ злоупотребляли понятіемъ чуда и прибѣгали къ нему, чтобы имъ замаскировать собственное незнаніе или недальновидность. Успѣху наукъ естественныхъ въ средніе вѣка вредила также не столько вѣра въ сверхъестественные дѣйствія Промысла, сколько вѣра въ необыкновенныя магическія силы самой природы. На предположеніи этихъ силъ основывались магія, алхімія, астрологія, — науки столькоже чуждые точному значенію природы, сколько и христіанству.

Съ той же точки зрења минимыхъ интересовъ научнаго знанія, какъ на возраженіе противъ возможности чудесъ, указываютъ на невозможность для этого знанія отличить дѣйствие сверхъестественное отъ естественнаго. Чтобы признать какое-либо дѣйствіе за чудесное, чтобы отличить въ ряду дѣйствующихъ естественныхъ причинъ сверхъестественную, мы бы должны прежде всего знать вполнѣ всѣ естественные силы, всѣ возможныя сочетанія

естественныхъ законовъ и результаты, какие они не только производятъ обыкновенно, но и могутъ произвести въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ. Но подобное всецѣлое знаніе природы и естественной причинности явлений намъ недоступно. Отсюда, при самомъ необыкновенномъ явлениіи нась не можетъ оставить сомнѣніе, не есть ли оно результатъ дѣйствія какихъ-либо неизвѣстныхъ силъ природы или необычайного сочетанія извѣстныхъ. Отсюда, при самомъ необычайномъ явлениіи, мы можемъ только сказать, что это есть явленіе неизвестное, но не можемъ сказать, что оно есть явленіе сверхъестественное.

Если бы для объясненія причинъ каждого частнаго явленія, мы должны были имѣть полное познаніе природы и совокупности ея условій; то все сказанное о сверхъестественныхъ явленіяхъ было бы справедливо; но на самомъ дѣлѣ въ этомъ неѣтъ никакой нужды. Мы съ достовѣрностю объясняемъ причины явлений природы на основаніи наблюдений надъ отдельными предметами и надъ совокупностю естественныхъ условій намъ доступныхъ и извѣстныхъ. Эти наблюденія вполнѣ достаточны, чтобы дать намъ вѣрное понятіе о дѣйствующихъ законахъ природы, и если не всегда о томъ, что они могутъ произвести при необыкновенномъ сочетаніи ихъ, то по крайней мѣрѣ о томъ, чего произвести они не могутъ. Для каждого очевидно напримѣръ, что слово человѣка не можетъ внезапно исцѣлить больного, воскресить мертваго, что сухой жезль не можетъ произвести листьевъ, цветовъ, плодовъ и т. под. Вызывать для объясненія подобныхъ явлений какія-то неизвѣстныя, предполагаемыя силы природы зна-

чило бы давать въ область знанія доступъ совер-
шенно фантастическимъ гипотезамъ. Эти такъ на-
зываemыя прежде, сокровенныя силы природы въ
настоящее время совершенно изгоняются изъ облас-
ти наукъ естественныхъ, и странно было прибѣгать
къ nimъ для колебанія вѣры въ возможность дѣй-
ствій сверхъестественныхъ. Тоже должно сказать и
о предполагаемыхъ необыкновенныхъ сочетаніяхъ
естественныхъ, нынѣ дѣйствующихъ силъ природы,
могущихъ будто бы произвести результаты, кажу-
щіеся сверхъестественными. Такихъ необыкновен-
ныхъ сочетаній и въ природѣ мы не видимъ, и
искусственно произвести не можемъ, несмотря на
все богатство и разнообразіе средствъ, какими вла-
дѣетъ наука. Притомъ, еслибы онѣ и были возмож-
ны, то уже по тому самому, что онѣ необыкновен-
ныя, не условливаemыя естественнымъ и правиль-
нымъ ходомъ природы, онѣ предполагали бы осо-
бенную сверхъестественную силу, соединившую и
направившую законы и силы природы къ произве-
денію такого явленія, которое само по себѣ произой-
ти не могло. Такимъ образомъ для насъ есть всегда
возможность отличить дѣйствіе сверхъестественное
отъ естественного, и для этого нѣть нужны въ какомъ-либо особенно глубокомъ и полномъ познаніи
природы. Конечно, для человѣка мало знакомаго съ
законами и силами природы представляется иногда
опасность необыкновенное естественное явленіе при-
нять за чудесное; но въ болѣшей части случаевъ,
самаго обыкновеннаго и всѣмъ доступнаго познанія
окружающихъ нась явленій и ихъ причинъ вполнѣ
достаточно для сужденія, что можетъ произойти

естественно и что нѣтъ. Тѣмъ съ болѣею достовѣрностію можетъ судить о томъ владѣющій научнымъ знаніемъ природы, и только невѣріе, прикрытое маскою научной скромности, можетъ отвергать сверхъестественное явленіе подъ предлогомъ невозможности отличить его отъ естественнаго.

Не одни только интересы научнаго знанія, но и интересы нравственности были выставляемы иногда на видъ, какъ возраженіе противъ возможности необыкновенныхъ дѣйствій Промысла. Философія Канта, утвердивъ безусловную автономію нравственнаго закона, существеннымъ требованіемъ нравственности поставила то, чтобы этотъ законъ исполнялся самъ по себѣ и для себя, по уваженію къ его внутренней истинѣ и святости, а не по какимъ-либо вѣшнимъ, независящимъ отъ него побужденіямъ, какъ бы они высоки ни были. Поэтому, если (какъ въ религіозномъ ученіи) мотивомъ къ исполненію его признается то, что онъ имѣетъ божественное происхожденіе и авторитетъ, если для подтвержденія этого авторитета указывается на чудеса, которыми проповѣдники нравственнаго ученія засвидѣтельствовали и его значеніе и свое божественное посланичество, то это есть не что иное, какъ уклоненіе отъ чистоты нравственнаго закона, уменьшеніе уваженія къ нему. По словамъ Канта, признавать авторитетъ за начертанными въ сердцѣ требованіями долга только тогда, когда онъ подтверждены чудесами, есть не что иное, какъ достойное наказанія нравственное невѣріе (в). Продолжая развивать одностороннее

(в) Relig. innerh. d. Gränzen.... 2 Abth. Schluss.

ученіе Канта о побужденияхъ къ исполненію нравственного закона, раціоналисти пришли къ убѣждѣнію, что вѣра въ чудеса вообще наноситъ вредъ истинной добродѣтели и оскорбляетъ святость нравственного долга. Поэтому и чудеса, если и возможны для Бога какъ Существа всемогущаго, морально невозможны для него какъ Существа нравственно-совершеннѣйшаго, не могущаго производить то, что искажало бы автономію и святость нравственного закона.

Критический разборъ основныхъ принциповъ нравственной философіи Канта, изъ которыхъ возникъ такой односторонній взглядъ на чудеса, не входитъ въ область настоящаго изслѣдованія. Достаточно замѣтить, что если бы даже и дѣйствительно все значеніе чудесъ состояло только въ подтвержденіи авторитета божественныхъ посланниковъ и въ утвержденіи въ сердцахъ людей вѣры въ обязательность возвѣщаемыхъ ими нравственныхъ предписаний, то и тогда бы нельзя сказать, что чудеса ведутъ къ ослабленію нравственного закона и морально невозможны для верховнаго Законодателя и Правителя нравственного царства. Положимъ, что высочайшая и истинно совершенная нравственность состоитъ въ исполненіи предписаний нравственного закона, по уваженію къ нему самому, независимо отъ постороннихъ побужденій и цѣлей. Но нельзя не видѣть, что такое основанное на ясномъ пониманіи святости нравственного закона уваженіе къ нему, которое одно само по себѣ способно вести человѣка по пути долга и добродѣтели, не есть общая и непосредственная принадлежность всѣхъ людей, но достигается мало

по малу, и можетъ составлять принадлежность только высоко развитыхъ людей. И последователи критической философіи не могутъ отвергать того очевиднаго факта, что въ большинствѣ случаевъ, на низшихъ ступеняхъ развитія, побужденіемъ къ нравственности служить не отвлеченное понятіе объ автономіи нравственнаго закона, не теоретическое уваженіе къ нему, но различные внѣшнія побужденія, изъ которыхъ самое возвышенное и чистое есть вѣра въ Божественное происхожденіе его и условливаемая тѣмъ обязательность его для насъ. Поэтому, если нравственность должна быть дѣломъ не только философовъ, но и всѣхъ людей, если тѣ или другія побужденія къ нравственности не суть что либо случайное, но опредѣляются степенью развитія человѣка и человѣчества, то вполнѣ вѣроятно, что Законодатель нравственнаго царства, сообразно съ потребностию и развитіемъ людей будетъ заботиться объ укрѣпленіи и утвержденіи тѣхъ побужденій къ исполненію нравственнаго закона, которыя наиболѣе пригодны для человѣка въ данное время;—а наивысшее изъ такихъ побужденій, какъ мы замѣтили, есть вѣра въ божественное его происхожденіе. Итакъ вполнѣ мыслимо и естественно, что для завѣренія такого божественного происхожденія предписаний нравственности и для подтвержденія авторитета лицъ, посыпаемыхъ для возвѣщенія оныхъ, Богъ будетъ производить и явленія, способныя указать на ихъ сверхъестественное происхожденіе, т. е. чудеса.

Такимъ образомъ и съ точки зреянія критической философіи, сверхъестественные дѣйствія Промысла

не суть что либо морально невозможное для Божества. Но въ сущности взглядъ этой философіи на религіозное значеніе чудесъ есть односторонній и неправильный. Это значеніе не въ томъ только состоитъ, чтобы утвердить силу нравственныхъ предписаний и увѣрить людей въ ихъ Божественномъ происхожденіи. Божественные посланники, о которыхъ говорить откровенная религія, не суть только моралисты, и чудеса не къ тому только служать, чтобы придавать большую значимость правиламъ нравственности, которые и сами по себѣ ясны и могутъ постепенно болѣе и болѣе уясняться развитіемъ естественныхъ способностей ума. Откровенная религія возвѣщаетъ намъ не нравственный только, но теоретическія сверхъестественныя истины о Богѣ и о спасеніи человѣка, истины, которые не доступны разуму и не могли бы быть приняты человѣкомъ на основаніи однихъ рациональныхъ убѣждений въ ихъ несомнѣнности. Для возбужденія вѣры въ эти истины, существенно необходимой для спасенія человѣка, необходимы по этому не какія-либо доказательства разума, но доказательства сверхъестественные, побуждающія человѣка вѣрить Божественному ихъ происхожденію, вѣрить Божественному посланничеству и лицъ ихъ возвѣщающихъ. Такимъ образомъ необходимость сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла, для религіознаго сознанія, условливается самою сверхъестественностью и непостижимостію для разума истинъ откровенія и планомъ Божественного домостроительства о спасеніи человѣка.

Разборъ возраженій противъ возможности сверхъестественныхъ дѣйствій Промысла показываетъ, что

ети возраженія вовсе не такъ значительны, чтобы давать теоретическому мышленію право a priori отвергать представляемые религію факты такихъ сверхъестественныхъ дѣйствій. Не имъя ни малъшаго права отвергать ихъ возможности, философія должна предоставить исторической критикѣ утверждение достовѣрности этихъ фактovъ. И мы знаемъ, что испытание такой критики вполнѣ выдерживаютъ повѣствованія о сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ Божественной силы, которыя представляютъ намъ священное Писаніе и исторія церкви. Христіанская наука представляеть намъ цѣлый рядъ историческихъ и критическихъ изысканій, имѣющихъ цѣлію утвердить достовѣрность и неповрежденность тѣхъ письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ содержатся свидѣтельства о необыкновенныхъ дѣйствіяхъ Промысла въ отношеніи къ человѣческому роду. Что же касается до другихъ религій, то какъ бы ни были сомнительны и недостовѣрны встрѣчающіяся и въ нихъ сказанія о необыкновенныхъ дѣйствіяхъ Божества, нельзя совершенно оставить безъ вниманія, если не самыхъ этихъ сказаний, то общаго топа ихъ и того религіознаго убѣжденія, которое служитъ ихъ мотивомъ. Это—убѣженіе въ возможности необычайныхъ обнаруженій Божественной силы. Если религіозное сознаніе, даже и въ его одностороннихъ проявленіяхъ, не есть совершенно ложное и несостоятельное выраженіе какихъ либо субъективныхъ и случайныхъ требованій человѣка, по существенная принадлежность его духовной природы, то конечно и основныя, характеристическая убѣженія этого сознанія должны заключать въ себѣ нечто вѣрное и

имѣющее право на признаніе разумомъ. Но не только вѣра въ Промыслъ вообще, но и вѣра въ возможность необычайныхъ проявлений Божественного всемогущества въ мірѣ, есть существенная черта религіознаго сознанія всѣхъ временъ и народовъ. Положимъ, что въ сказаніяхъ о чудесахъ у народовъ языческихъ—безчисленное множество вымысловъ, порожденныхъ суевѣремъ, легковѣремъ, даже обманомъ. Но самая твердость, съ какою держится вѣра въ чудеса, самое постоянство тона религіозныхъ сказаний показываетъ, что общая основа ихъ въ духѣ человѣка не можетъ быть совершенно ложною, что она имѣеть источникъ въ какихъ-либо дѣйствительныхъ опытахъ религіозной жизни. Ложныя сказанія могли образоваться только какъ подражаніе или искаженіе возможныхъ, истинныхъ; ложныя чудеса также предполагаютъ существованіе истинныхъ, какъ фальшивая монета существованіе дѣйствительной.

